

а. величанский

УДЕЛ

избранные стихотворения

1966-1973

а.величанский

УДЕЛ

избранные стихотворения

1966-1973

ББК 83.3Р7
Вел 27

Издание осуществлено за счет средств автора

Величанский А. Л. Удел. Стихи. М.: Издательство „Прометей”
МГПИ им. В. И. Ленина, 1989. – 112 с.

В $\frac{4702010202 - 83}{183 (2) - 88}$ без объявл.

© Александр Леонидович Величанский, 1989

ВРЕМЕНИ НЕВИДИМАЯ ТВЕРДЬ

1966 — 1968

ЛЕТО 1953 ГОДА

(три стихотворения)

1.

Бор высокий и тугой
воду пробовал ногой.
Комариный шел дымок.
Трав запутывались лески.
Берег искоса промок.
На воде — кувшинок ласты.
Голова плывет одна,
воскликая: „Нету дна!”

2.

Николай, убравши сено,
загулял и запил сильно.
На слободке мотоцикл
залетел вчера в кювет.
У запруды — два солдата
с третьей девушкой в косынке
нарушают указанья.
Есть два дуба — „Близнецы” —
вблизи от магазина.
Ивы — полные корзины.
И под вечер за осинами
небо начало цвести.

3.

Длинный вечер через речку
перекинулся мостками,
и береза-белоручка
в черный ельник не идет,
за березою — деревня,
но деревня не простая:
в ней проживши месяц ровно,
мы запомнили ее.

БЕРЕЗЫ

Было рано. Было лоно.
Мы кричали: „Эй, на лодке!”
Через серую Оку

с плеском мы переезжали:
съемки в этот день мы отложили
и, как того нам оператор повелел,
мы берез искали по-белей —
чтоб белее были белых Пропилей:

ровно трое было нас,
каждый что-нибудь да нес —
у меня была коряга, как Б. Рассела анфас.

ЕЛИ

День сырости, когда грибы растут
то там, то тут.
Когда стекают крылья елей
зеленою водой — на самом деле.
Такой неясный день от утренней поры
до вечера. Огромны комары.
И горько, горько лесу дождевому
в свой подъяловый опускаться омут.

ДУБЫ

Дубы бодучи — вот что! —
аж листьев не хватает это скрыть,
и выражение коры
у них морщинистое, серое и волчье.
Дубы к тому же индивидуальной
других деревьев — это уж совсем
из рук вон плохо с точки зрения повальных,
незрелых, одинаковых осин.

ХОЛОДНОЕ ЛЕТО

В овраг углубилась смазливая глина,
и городом пахнет больная малина,
и сосны песчаные, кислые ели
качаются две непрерывных недели.
Дождя облетевшая тучно пыльца
(в которой седеют оград окружные собаки,
за ними — сады и строенья-рубаки)
на жухлых дорогах себе не находит лица.

АВГУСТ

День стоял, расставив вилы.
Вся трава, как лошадь, пала.
И лежала, как попало,
позабыв хотя бы хруст.
Как над куполом могилы
коршун образует крест.
Рожь ржавела и являла
сухомятку сельских крыш.
Шмель забыл, что он — как улей,
жук забыл, что он — как пуля.
Коршун окружает поле.
Этот коршун съел бы мышь.

АВГУСТ

Ночь крупна! И млечная дорога
означила печально ранний час,
когда огромные прозрачные коровы
исчезли, за ограды просочась —
пахучие и сочные коровы... Далеко
плывет, плывет, качается, сочится лай собачий,
и реют призрачные дети вдоль обочин,
пока не выгонит лесок из чащи ночи
луну, исполненную белым молоком.

ВОДОПАД В ЧЕРКЕССКОЙ ДОЛИНЕ

Вода, как кошка, падает на лапы,
хоть кошке показалось бы нелепым
сравнение это, а вода
есть ею ставшие прошедшие года:
как знать, что ей казалось прошлым летом,
во что ей верилось тогда.

Плывет волна, как опытный пловец,
куда-нибудь, но лишь бы плыть ей.
И кажется, что будущего весть
уже исчерпана ее упорной прытью.

Но прошлое — оно уводит вдаль
и где-то засыпает без просыпу.

И кажется, внутри волны такая же вода,
как и внутри у самой мертвой зыби.

За волной исчезнет берег моря,
за волной соседняя волна
исчезает, и за ней видна
только горная полоска надо мною.

Так за мигом исчезает век,
так за годом исчезают годы,
и плывет волне своей в угоду
дальновидный с виду, голый человек.

МЕРТВОЕ ОЗЕРО БАЙКАЛ

Сдохли омули в Байкале,
проданные наперед
чехам. И вода такая,
будто морщится, а пьет.

Берега. На сопках — гарь и
худосочная тайга.
Вот Байкал. Вода икает,
задевая берега

каменистые. Олифой
кроет озеро закат.
Реки катят, как Сизифы,
камни круглые. Бурят,

злой бурят — начальник края —
через щели толстых глаз
с пика Черского взирает
на воды большой запас.

КОЛЬ СУЖДЕНО ВАМ УТОНУТЬ

Коль суждено вам утонуть
в безвкусном и бессмысленном Байкале,
вы долго будете идти, идти ко дну
и не дойдете — далеко
до дна его, до тайников:
пора всплывать. Вас ищут. Далеко ли

теперь до верхних синих волн? — ох, далеко!
Лишь люди с катера глядят на них до боли.

ВРЕМЕНИ НЕВИДИМАЯ ТВЕРДЬ

Стерлась времени невидимая твердь:
через травы, временно безлюдные,
Боголюбову едва ль теперь видней
Нерль, чем Нерли видно Боголюбово.

А на насыпи пустое полотно
между ними — поровну видно.

В ПОИСКАХ ЦЕРКВИ СПАС НА КУПАЛИЩЕ

Спустились тучи не дождем, а сами.
Песчаная дорога. Со слезами
сосновая мучительная даль.
И вдоль дороги высушенной, вдоль
рассыпавшейся колеи дорожной,
где водяные знаки ставит пыль,
сухой дымится акварелью вереск,
приблизившись и наконец уверясь
в дороге белой и пустопорожней.

ОПОЛЬЕ

(три стихотворения)

1.

Закругляются, как кони,
небеса и колокольни.
Оттого лишь не парят —
на крестах — на якорях.
И на нет друг друга сводят
переходы, и на камне,
как в каком-то эпизоде,
башня старая сидит.

2.

Как встарь, дороги далеки,
как встарь они — землепроходцы,
и плавает, как встарь, на веточках Оки

церквей речное пароходство.
И лишь голубенькие вдруг
поскрипывают нам таблицы,
что здесь убитые, убийцы
зарыты, где откоса круп.

3. (НЕПРЕКРАЩАЮЩИЙСЯ В ТЕХ МЕСТАХ ВЕТЕР)

Ветер до лучших времен долетал.
Гнал по лесам небеса вороны.
И колоколен колодезный гул
он в три погибели гнул
(что ни погибель — плита)...

Надо кричать, чтоб скорее его воротили,
остановить на бегу —
есть и на нашем веку
стены кургузые, непроходимые своды:
всюду навешаны петли воров и ворот,
вырван с корнями слепого спасения ров —

здесь ты лишишься навеки своей несусветной свободы.

(ХОХЛОМА)

В разгаре совести леса
бросаются, голов не очертивши.
Ручьи дорог, вчера журчавших тише,
теперь несутся, даль не очертивши,
в спустившиеся наземь небеса
с откосов, от околиц черновых...
И человек, плетущийся в магазин,
в разгаре совести другому помогает —
старинному, с разбитыми ногами,
крутобородому и ясному на вид.

ЗЛАЯ И ЖАДНАЯ СТАРУХА

Было у старухи деревянное лицо.
Червь над ним подзуживал — черный древоточец.
До сих пор живет она в полосе лесной —
не родилась заново и не исчезла тотчас.

Кроме внука Вовки, огорода огурцов,
яйцевидных кур ее, гусей продолговатых,
было у старухи деревянное лицо —
то, в котором, темная, она не виновата.

Вспыхнет молния одна:
на подрамнике окна
нарисует дом, ограду,
два соседних дома кряду,
человека под водой:
он бежит через природу —
он уже немолодой,
но бежит и ищет броду
и погаснет с наступившей темнотой.

Про каждый лист известно столько слов:
еще на дереве он пожелтел, ослаб,
его рвало и прям-таки качало,
в течение месяца он чахнул...
И вот однажды он на улице упал.
И умер, разумеется — опал.

ПРОШЛОГОДНИЕ СТИХИ О МОСКВЕ

Тесно городу, как плачу.
(Никуда тебя не спрячу,
ото всех не унесу).
Здесь плетут такие судьбы! —
тесно городу в лесу,
как на море тесно судну,
потерпевшему грозу.

ПРОФИЛЬ

Длинный ниспадает лоб
Слишком глубоко, и глаз — как рыба:
никогда о том не говорила,
понесла какой она улов.
Лишь ресничье перышко скосив
рыбьего голодного скелета,
поднимала голову с колена,
яблоко глазное закусив.

Человеку остается
больше, чем ему дается,
более, чем удастся
взять ему — и потому
нам с тобою будет страшно
день возобновить вчерашний,
потому так осторожно
он начнется поутру.

А русые метели
на саночках летели,
на расписных на саночках
невиданной красоты,
ах, в расписных косыночках
на саночках косых.

Их колокольцы звякали
и окликали всякого:
коллежского асессора,
гусара, мужика,
вельможу и профессора
в сугробе парика,

и девушку дворовую,
и деятеля правого,
и барыню с лакеями,
и Пушкина с пером —
никто не знал, откедова
метели мы берем.

С Крещения до Масляной,
весь пост великонравственный
скакали кони в пене,
оскалясь на мороз,
иль это вдохновение
из наших душ рвалось?

Мужичок пришел в кабак и шапку сдал.
Сколько дали, столько выпил, пьяным стал.
Мужичок, эх, мужичок,
если хочется еще,

я б поставил, если б денег я достал.
По колено он уходит по снегам.
(Это очередь приходит сапогам).
Оттого любили вина,
что болела сердцевина
и уже до половины
жизнь свою мы разобрали по слогам.

По Москве идут солдаты.
Ах, как дамы и валеты
по обочинам дороги
удивительно стоят:
кавалеры бородаты
(по! Москве! идут! солдаты!)
барышни — как афродиты,
а мальчишки — как всегда —
по Москве идут солдаты —
горе не беда!

По бокам стоят трактиры,
кабаки, адвокатуры,
канцелярии бежавших
наполняются опять,
бутошников полосатых,
краснорожих и усатых
даже не видать.

Ать!
дважды два — четыре:
ну, что за офицеры
в дорогом отечестве —
ишь офицера!
и глядят холопы,
и глядят халупы,
как идут солдаты —
кудри набекрень —
ну, прямо целый день!

...А посередине
той шеренги третьей,
видишь, третий слева —
это я иду!
я ужасно трусил
и курить не бросил,
но теперь вернулся,
наконец к тебе.

БАЛЛАДА
О ДОСТАТОЧНОМ ОСНОВАНИИ

Ну, что ж, выходит, отравила.
Отравила, падло, что ж —
в землю черную положь,
заместо креста в могилу
ты всади мой ясный нож:

пусть, когда заря на решку
выпадет, как медный грош,
кореш кореша зарежет,
если кореш не хорош.

Упадок, где твой Рим
в тряпье племен приبلудших
и для времен не лучших
грядущий пилигрим?

Упадок, где твой Рим? —
твой новый бог из воска
и средиземноморский
его ультрамарин?

Упадок, где твой Бог,
твой Сын рыжеволосый,
казнящие колеса
катящий за собой?

...Куда же мы пойдем
и как себя поделим?
Сколь глубоко паденье,
таящее подъем?

В смятении мы, как караси — в сметане.
Из нас не следовало выводов и дел.
Фонарь светил на нас, и дни на нас светали,
и нас любили те, кто этого хотел.

●

На санях ли давеча
ехали — не шли,
потеряли девочку —
после не нашли.

По причине водочки,
песен и ухаб,
потерялся сверточек,
в колею упав.

Завершились поиски.
Отдышался пар.
Лишь дорога по лесу
бродит до сих пор.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРОБЫ

1964 — 1965

Мы эклектики, из клетки
вышедшие на простор —
если яркий он, то блеклый,
если сложный, то простой.

Мы вдоль современных улиц
на теперешнем огне
не вперед пошли — вернулись,
мы вернулись внутрь извне.

Сегодня возили гравий.
И завтра —
возили гравий.
Сегодня в карты играли,
и завтра —
в карты играли.

А девочки шлют фотографии,
и службы проходит срок.
Вот скоро покончим с гравием
и будем возить
песок.

Уже крошилась грудь, и зарастали руки,
глаза уже — мелеть,
проваливаться — рот —
всё началось с начал ничуть не трудных,
чтоб стать в конце концов наоборот —
преобразиться: волосы седели
у старого холма на голове,
где маленькие лавочки сидели,
и памятник стоял, как человек.

Как в отсутствие Одиссея
Пенелопа себя вела? —
женихи ее так и сели,
так и бросили все дела.

Только солнышко над Элладой —
ткет старуха что было сил,
а им теперь ничего не надо —
лишь бы выпил да закусил.

Разбрелось его лицо —
щеки распрощались с носом.
Только коже подвесной
долго не было износу.
Волосы росли вдали
головы его покатоЙ...
А по полю люди шли:
объявления, плакаты.

КОСТРЫ

(Из цикла „Канун“)

Разговоры их остались тайной.
Мысли тайные оставлены при них.
К ним с деревьев сумерки слетали
и ложились смирно. И притих
каждый, и никто не чистил кивер —
гробовая стала синева
вечера, и красные такие
развевались сучья и слова.

Трубят трубы гарью,
над городом горечь.
Идут хулиганы —
за корешом кореш.

И в черных машинах,
зашторив оконца,
кто делал ошибки —
садовые кольца?

Не какой-нибудь там,
а простой парусиновый парус,
и порядковый номер, и буква на парусе том,

паруса
задыхались, как люди,
как люди, трепались
и белели, как люди,
на синем,
потом на седом.

УДЕЛ

1968

●

Крепчайшую вяжите сеть,
но бойтесь умысла, улавливая суть
(у истины запаса нет съестного:
у истины судьба — на волоске висеть).
Пусть вытекает слово,
как море из улова,
забыв свою оставшуюся сельдь.

●

О себе я не пекусь —
без возврата, без прогресса —
я согласен быть процессом,
даже после смерти. Пусть.

Если нечего терять,
велика ль тогда потеря?
Сколько надобно бактерий —
разложить мою тетрадь?

ВЕСНА

Два бестрепетных виска.
Два начальных лепестка
тонких губ. Натянут, млад —
глаз разрез, бровей разлад.
Золотых волос массив
неподвижен и красив.
А глаза не видят толком —
разве что — предвидят только,
не оттаяв, но в душе
так и прыгают уже:
в них играет каждый атом,
будто в фавне ноздреватом, —
то-то рад он тут же рядом до ушей.

●

Зной настал. Завыли осы.
Тень отбросили навесы.
Над водою белобрысой
легкий мрак затрепетал.
В полукруг песчаной бухты
тихо наострились яхты,

отражением в водах — ух ты —
отливая, как металл.

Но не в этот день, а прежде
на разбросанной одежде,
притворив отрадно вежды,
эта женщина одна
здесь лежала (день был хмурый —
тучи горбились, как горы) —
вся пропитана загаром,
проникающим до дна.

Животы лежат на спинах.
На боку лежат бока.
(Сникла ветра парусина,
и провисли облака).

Вот красавица умело
поворачивает тело:
и для солнца и для глаз
наблюдающих — как раз.

Вот сидит атлета тело.
Встало. Что-то захотело.
Вон влюбленные вдали:
на песок они легли.

Возводя дворец песочный,
ползал мальчик худосочный —
у него делым-дела,
а мама плавать ушлыла.

Волн качаются весы.
Дна качается завеса.
Вот уже коснулся леса
звук летающей осы.
От береговой косы
до полднего курорта
всё идут вполоборота
дюн песчаные часы,
будто их туда завел, запутал кто-то.

На дне воды лежал песок.
И посмотри, насколько зыбки
в воде мелькающие рыбки.
Пора, но посмотри еще разок,
запомни все. Осока. Лист осины.
Жук плавунец.
И заросли трясины.
И берега сырой наискосок.

Нюхотки — цветки такие
в клумбе, где одна полынь.
Заборов грязные полы.
И дома: дома совсем плохие.

Папа Юрику велел,
посмотреть в каком он, Юрик, виде.
Вовка вечером не выйдет:
малярией заболел.

Ветер дунул и нарушил штиль.
Окна с громом закрывают.
На сараях дождевая —
доски сыпью покрывая —
на земную пала пыль.

ДЕТСТВО

Нагревается белый кафель.
Там за кафелем — наш картофель
зашипел... На зеленой стене —
наши трещины в старой краске:
горы, головы, войны, сказки...
И окно начинает синеть —
становиться все гуще, гуще...
занавески слипаются... Вмиг
исчезает из печки пища,
исчезают из комнаты вещи —
вещь за вещь... и даже спящий
навсегда исчезает в них.

●

Сентябрь гас. В который раз
тряслись и осыпались рощи,
и насаждений маленькие мощи
долгой, казалось, исчезали с глаз.

Наверное, я направлялся в школу,
а в рыжей яме проводили газ,
и на отвале этой ямы голой
сидел мужик. И я запомнил нас.

На силикатной стройке в этот час
жгли кучно мусор — белый и огромный —
и в нашем парке, в нашем мире кровном
горели листья, небом облачась.

Окончилась пора небес и гроз,
крепчайший дуб однажды расщепивши...
Сентябрь. Мужик к работе приступивший.
Учителем поставленный вопрос.

●

В Перове стояли дымы.
И дым, состоящий из тьмы,
блистал под луною своими пустыми боками,
как столп соляной, как колонны шлифованный камень —
вот так исчезали из нашего прошлого мы.

Так душ неизбежная связь,
что правит житейским содомом —
она исчезает, вяясь,
как дым между небом и домом.

●

Зима, и чуть что — ночь.
Прости меня, что павший,
как снег, везде лежавший,
такой же я точь-в-точь —
в погоде ледяной
среди прохожих редких,
под ледяные реки
опущенных на дно.

●

Был белокаменный мороз,
ряд каменных деревьев рос,
дымились толпы, каменел
дыханья дым, дыханья мел,
снег, превращавшийся в песок,
скрипел настилом из досок,
и был мучительно далек
тот путь, что летом мал...
Спасибо, был на свете человек,
который это знал и понимал.

●

Покой? Запомни хоть такой,
когда кружились над рекой
древесные крутые кроны,
и неземные ив поклоны,
и чащи внутренний покой,
льняных полян цветные складки,
полей глухой переполох
и сеновал, густой и сладкий,
в котором сенокос заглох,
всю деревянную деревню,
чужую тучу за бугром,
и горизонта видимые гребни,
и тишина: как в летописи древней —
мы жили здесь и здесь опять умрем.

●

Всех лесов опальный пал
под забвением пропал.
Догорел до мелких щеп
горькой осени ущерб.
Под забвеньем, как под кровом —
только люди да коровы —
измененья замели
все извилины земли.
Белый снег Твой, Боже Правый,
не забудем только мы —
белобокие холмы,
чернобурые дубравы.

●

На жалком теле фитилек —
летает смертный мотылек,

и огоньком полета
его сжигает кто-то.

Летает в поле мотылек,
и утоляет уголек
его слепого тела —
пространства и пределы.

Куда как мал и недалек,
ежесекундный мотылек,
что за собою ты повлек,
охваченный полетом,
как луг с его болотом,
как лес и дол и неба потолок?

О, она живет и шутит,
зря свою водицу мутит,
опечалившись на миг;
в подвернувшейся минуте
отстоится легкий лик.

И растет себе по стеблю:
позабудет, а не стерпит,
и отчаянья свои
развлечет — не утаит.

Безответна, как мгновенье,
что маячит впереди...
Временных часов биенье
до поры, до упоенья
слышится в ее груди.

Страшен город Ленинград:
он походит на трактат,
что переведен с латыни
на российский невпопад.
К людям улицы стоят
корешками золотыми.

Там летают снег и гарь.
Там гарцует медный царь —
псевдо-первенец великий
с головою многоликой

над жестянкой невских вод
серых, как водопровод.

В Ленинграде моря нет —
только камни да каналы,
да болот полуподвалы,
да дворцы без эполет —
на ближайших триста лет
море спрятано в анналы.

Но на Невский, как бывало,
вывел даму удалой ее валет.

Перестали птицы петь,
потому что птицы ведь —
не железо и не медь —
вот и лето: было, минуло, постыло.
Будет дождь хлестать, как плетть,
холод заросли палить,
а деревья оголеть:
металлические сетки у постелей.

До свиданья. Хорошо, что посетили.
Я не в силах вновь об этом сожалеть.

Одиночество всей ночи перед вспышкой сигареты.
(Говорит земли поверхность:
ЧЕРВЬ, ты глубже океана!)
Одиночество топи
в океане увядающего лета...
Одиночество толпы
перед ликом одинокого тирана.

Люди не ведают страха —
они привыкают к нему:
обеденный стол их не плаха,
и дом не похож на тюрьму.

Бесстрашные, словно камни,
и вечные, словно прах,
пощелкивают замками
и сами внушают страх.

●

Спускалось солнце в просеку.
С небес свисала ель.
Стоял солдатик простенький,
похожий на шинель,
глядел он виновато
на желтые снега —
с ножом и с автоматом
похожий на врага.

Снега валились с дерева
сквозь веток канитель.
Стоял солдатик серенький,
похожий на шинель,
и видел: на закате,
судьбу свою кляня,
стоит другой солдатик,
похожий на меня.

●

Бездонный дождь на улице бездомной.
Зачем встречались сумерки на ней?
Зачем встречались люди и безмолвно
шли — каждый по отдельной стороне?

Была, быть может, некая надежда,
ну, где-нибудь на улице другой,
и дождь стоял слепой преградой между
проходим и надеждой дорогой?

Но даже если не было надежды,
как у дождя — ни проблеска, ни дна,
то всё ж она была когда-то прежде
надежда сокровенная одна.

●

Надежда одна не оставит — она не оставит креста —
надежда в надежнейших путях:
ведь могут же люди быть лучше, добрее, чем будут,
и в прошлом, надеюсь, могли бы не злобствовать так.

●

Язык сначала жил один:
один он по полю ходил
и по нехоженным лесам
один метался сам.

В горах ему поклоны било эхо,
в ручье вода разучивала трель,
и ветер плел свою траву, как враль,
и пересмешник помирал от смеха.

Потом язык нашел возделанных людей —
он впутался в их бороды и руки,
и сразу поглупел, помолодел —
доныне все к его молчанью глухи.

БЕЛОЕ ПЛАТЬЕ ЭМИЛИ ДИКИНСОН

Пчелы, бабочки, шмели
улетучились вдали.
Потускнела вся трава,
и деревья — как дрова,
и цветы завяли;
и цвели едва ли.

Ствол осины бел и сух.
Изваяния старух
на порогах клонит в сон
под постриженный газон.
Не глядит в жилища
небо-пепелище.

Вот опять, опять, опять
медленно — за пядью пядь —
Эмили идет сюда
в белом платье, как всегда,
в роще пропадая,
и совсем седая.

Двадцать, тридцать, сорок лет
белый цвет на ней одет.
Времена — какой пустяк:
в пальцах стебель не иссяк,
обрываясь астрой —
старой, но прекрасной.

Нет ни бабочек, ни пчел.
Ей известно — что почем —
правды смертная цена —
черных прядей седина:
и холмы и поле —
изваянье боли.

ВОСПОМИНАНИЯ О СМЕРТИ

1969

1. ВОСПОМИНАНИЯ О СМЕРТИ

Вне душ. Вне вех. Прошел тот век,
что рифмовался с человеком.
И мы живем уже поверх
того, что было нашим веком.
А в этом умираем без помех.

Наш век жесток и в верованьях крут.
Но даже в нем хотелось бы остаться,
когда по нашей улице идут,
окончив подневольный труд,
красавицы и святотатцы,
и между ними там и тут
всё дети кружатся, выкрикивая святцы.

Я бы жил совсем иначе.
Я бы жил не так,
не бежал бы, сжав в комочек
проездной пятак.

Не толкался бы в вагоне,
стоя бы не спал.
На меня б двумя ногами
гражданин не встал.

Я бы жил в лесу усатом,
в наливном саду
этак в тыща восьмисотом
с хвостиком году.

И ко мне бы ездил в гости
через жнивь и гать

представитель старой власти
в карты поиграть.

СНЕГ

Деревянная махорка. Спичек нету.
От „Известий” длинные клочки.
К моему двоюродному деду
ниточкой привязаны очки.

Он читает графа Л. Толстого —
из „Войны и мира” два листа:
не красоты замысла и слога —
лишь иноязычные места.

Бабушки готовят и ругаются,
разгребая в печке красный пыл,
оттого что несожженного Брокгауза
и Эфрона дедушка пропíл.

...Он кончал училище реальное
и из юнкерского вовремя сбежал.
Прóпил свою должность театральную,
осужденье общее стяжал.

И в театре, где сперва заведовал,
стал он декорации носить.
Новому начальству не завидовал
и займы на выпивку просил.

А потом жена ушла с детишками.
Всю жилплощадь бомбой разнесло.
И остался дедушка с усмешками
всем сознательным племянникам назло.

Но пред смертью был допущен внуков пестовать.
Поколоть дрова. Принести воды.
Тут и полегчало: бросил пьянствовать —
холил сад и огород сажил.

Стряпал. И ребят любил. И минуло
столько лет, на сколько стало сил.
Умер, обирая куст малиновый:
отдохнуть на лавочку присел.

Бабушки жалеют деда мертвого
и о нем умеют горевать:
каждый год в день ангела именного
ездят снег от деда отгребать.

●

В продолжении рода спасенья себе не ищи:
нищету своей памяти ты завещаешь потомкам —
и не видят они, как ты медленно таешь в ночи —
на глазах исчезают, окутаны временем тонким.

Никого не вини. Никому не печалуйся в том.
Одиноким виденьем становится жизни истома.
А кругом — тот же скарб, тот же скрип у дверей — тот же дом,
тот же скверик с детьми перед окнами зримого дома.

●

Когда Россия всё была Россией,
ее трудящиеся, выйдя на порог,
бездельников и странников дорог
пожаловать к себе в избу просили,

поили и кормили их
и слушали их странные сказанья,
забыв хотя бы на единый миг,
что труд дарован людям в наказанье.

●

Когда на вас навалится зима
всей беспросветною декабрьской тьмою,
возьмите черный том Карамзина:
что в нем заложено кровавою тесьмою? —

всё те ж снега с прорехой зорь,
дымок жилья у волка на примете,
всея равнины самодержец — ветер
да слез морозных кристаллическая соль.

Быть может, вам пригрезится тогда:
декабрь и есть декабрь — и никогда не минет
его незрячий ветер на равнине
да золотая зорь его орда.

ЛЕРМОНТОВ

(три стихотворения)

1. ПАРУС

Душа страшна и холодна.
И страсть одна — как жизнь одна.
Лишь раздувает серой парусиной
по небесам бескрайнюю Россию —
для одиночества она уже годна.

2.

И где бы на пути своем он ни был,
ему всегда сопутствовала смерть:
не страх, не романтическая небзьль —
а нечто точное всей бестолочи средь.
И он молчал, как власть имущий демон,
пером гусиным жалобно писал
и землю рвал с ее насущным небом,
как в трех местах простреленный гусар.

3.

В пустыне скорее всего сгоряча
Три Пальмы роптали на Господа Бога:
никто, де, под ними не пил из ручья,
отвека никто не купался в тени их глубокой.

Но Бог их услышал. Верблюды людей привезли.
Прекрасно горели весь вечер старинные пальмы.
Источник кипел. Но пески и его закопали.
И стала пустынное пустошь Господней земли.

Смерть в том, что Пушкин Блока не прочел.
Жизнь в том, что Блок всю ночь бормочет с Тютчевым.
И всё бы проще, всё бы ни о чем,
Да жаль его — проклятого грядущего.

Лишь в замыслах чуть теплится оно
(ведь выраженье — замыслу отместка).
И Пушкин чувствовал „Возмездье” Блока, но
ему об этом к счастью было неизвестно.

●

Мы мстим и мстим и мстим кому-нибудь:
отмщенья ярость зверская — людя́м большая честь! —
веками вечными одно лишь мщенье длилось.

Но если справедливость только месть,
и если в зверстве добродетель есть —
будь они прокляты — добро и справедливость.

●

Не играют евреи на псалтирях,
не играют на цитрах и кимвалах,
на высотах и в рощах посвященных
не курят своим Астартам и Ваалам.

Обмелели молочные реки,
побережный выветрился сахар.
Опустели Израиль и Иудея —
Бог ревнивый проклял их навеки.

Пусто на земле обетованной:
по вселенной люд ее рассеян —
как в безвыходной пустыне Аравийской:
месть кругом, и нету Моисея.

АВЕССАЛОМ

„И бысть спасение в той день
в рыдание всем людя́м”

II Царств, 19, 2

...И камнями, буреломом
яму ту с Авессаломом
забросали: поделом
ты погиб, Авессалом!

...И пустыня угасает
безутешная на вид —
обветшалыми глазами
плачет царь Давид:

Авессалом! Авессалом!
Все домочадцы за столом,

где столько снеди, столько вин —
и только твой отец один.

Пропала царская овца! —
где сын, продолживший отца? —
побега лучшего надлом —
Авессалом! Авессалом!

Мой сын, теперь ты знаешь сам,
что Бог не внемлет мертвецам —
и это главный мой псалом:
Авессалом! Авессалом!

Огня не скроет гарь и дым.
И проклят Иерусалим.
И опустел Давидов дом:
Авессалом! Авессалом!

КАК НЫНЕ СБИРАЕТСЯ ВЕЩИЙ ОЛЕГ

Как ныне собирается вещий Олег
пройти через рощи развилыстых рек,
соседей ограбить и славы найти —
кудесник встает у него на пути.

„Кудесник старинный, кудесник седой,
когда дорожишь ты своей бородой,
поведай, что видят слепые белки,
грядущее князю правдиво реки!”

Над степью широкие встали орлы.
И топчутся кони, ретивы и злы.
Старик навалился на посох сухой,
и степь огласилась речью такой:

„Смешны мне живые, пока не умрут,
смешны их сраженья и тягостный труд —
иссякнут и слава, и злоба, и месть —
в забвении ложь неизбежная есть

по имени ПАМЯТЬ... Великий Олег,
добычу несет тебе новый набег,
и за́ море дальнее вольный поход
дружине несет небывалый доход.

Куда ни примчит тебя верный твой конь,
встает на дыбы неизбежный огонь,
куда ни причалит твой княжеский челн —
река кровавая к нему притечет.

Сожженные нивы, обугленный кров,
заморского хмеля горячая кровь,
рабы и рабыни, восточный булат
и золото для киевских будет палат.

Над падшими в прахе — Олегова длань —
такая Олегу по жребию дань:
велик ты и славен... Не знаешь ты лишь,
какою кончиною жизнь утолишь.

И верно: мы смертны, отважнейший князь,
да только не помним того отродясь.
Но гибели сколько по свету ни сей,
а смерти случайность тревожит князей.

Ну что же, ты волен как самая смерть —
вольна и она в твоём сердце коснеть
проклятьем над далью оставшихся лет:
олегова гибель вольней, чем Олег!

Она не откроет свой срок никому —
ни вещи душе, ни слепому уму —
она ведь сама не решила пока,
когда тебе, князю, свалить дурака —

в бою ль просчитаться иль пьяным упасть
о камень — твоя непомерная власть
ее забавляет и даже смешит,
покончить с тобою она не спешит.

Но власть полежав у тебя на душе,
кровавых потомков плодила уже:
коварства и ярости смрадный ручей
течет уж по жилам у Ольговичей.

Посмертный покой — это жалкая ложь:
ты жизни достоин и ты не умрешь:
останешься мучить, останешься жечь —
устанет рука и источится меч —

устанешь от вопля, от пепла в кострах,
запросишь забвенья, запросишься в прах...
Но смерть ПОСТОЯННА. И будешь палим
проклятьями новыми, купно с моим”.

...Старик поднимает слепое лицо.
Стучатся цикады, как сбруи кольцо.
Мешают свой запах степные ростки
с дыханием конским и потом людским.

„Вешун! – восклицает разгневанный князь, –
ты, нищий, дерзнул ли Олега проклясть?
Мой рок под мою трепещет стопой –
предвидишь ли, отче, что будет с тобой?

Для бредней пещеры с чашобами есть –
пристала кудесникам лживая лесть:
варягу сражаться, кудеснику – лгать.
Кого ты посмел своим страхом пугать?

Для правды – бесправный, для света – слепой,
ты в жизни нашел лишь посмертный покой,
и в смерти найдешь только пустошь да ночь –
бессилием истину да не порочь!”

.....

Уходит дружина Олегу вослед.
Столп пыли остался спокоен и сед.
Исчезла дорога в невидимый лес.
И ворон кудесника видит с небес.

Нам смерти совестно бояться,
и она себе вольна:
много пива и вина,
ангелов и святотатцев –
есть у смерти много душ,
в магазине – много туш –
ей не совестно собою оставаться.
Бойся смерти, серый волк,
бойся смерти, серый заяц –
от самих себя спасаясь,
не бояться смерти наш священный долг.

ПРИНЦ ГАМЛЕТ

Когда же ты, Гамлет, убьешь короля?
Когда же ты, Гамлет, убьешь короля?
Вон тень за тобой волочится, пыля –
а ты не убил своего короля.

Зачем же ты, Гамлет, убил старика?
Зачем же ты, Гамлет, убил старика? —
в крови благородная стала рука —
зачем же ты, Гамлет, убил старика?

Ах, Гамлет, опять ты попал в переплет!
ах, Гамлет, опять ты попал в переплет —
Офелия тонет, а Гамлет плывет —
ну, как же ты, Гамлет, попал в переплет?

С какой-то костяшкой ну что ты стоишь?
ах, Гамлет, с пустышкой ну что ты стоишь? —
твой верный убийца покинул Париж —
ну, что же ты, Гамлет, стоишь и стоишь!

Ах, Гамлет, спускайся с высоких вершин!
Скорее спускайся с высоких вершин! —
несут королеве отравы кувшин —
ах, Гамлет, спускайся с высоких вершин!

Ох, Гамлет, опять ты убил не того!
Ох, Гамлет, опять ты убил не того! —
видать, ты и вправду немного того! —
ни за что ни про что убил не того!

Когда же ты, Гамлет, убьешь короля?
Когда же ты, Гамлет, убьешь короля? —
два трупа на берег сошли с корабля,
а ты не убил своего короля!

Скорее, скорей убивай короля!
ах, Гамлет, скорей убивай короля! —
наполнилась трупами наша земля,
и нету ни Гамлета, ни короля.

О, наша жизнь недалеко,
идальго, рыцарь мой беспечный!
но наше чувство бесконечно,
и всадник мчит наверняка,
не в направлении ветряка,
а в направлении своей кончины вечной —

она-то уж наступит на века
в отличие от счастья, идальго,
от славы до забвенья путь не дальний,

и всадник мчит наверняка
не в направленьи ветряка,
а в направлении кончины моментальной —

сколь тяжесть отошедшая легка,
и нету больше следствий из причины —
идальго, рыцарь скорби и кручины,
скачите же наверняка
не в направленьи ветряка,
а просто с чистой совестью скачите.

Не поможет больше друг,
не поможет доктор,
как замкнется этот круг
навсегда: надолго.

Не поможет прежний труд,
сделанная польза:
поблагодарив, умрут
те, что будут после.

Не поможет больше снедь,
не поможет влага.
Не поможет даже — смерть
почитать за благо.

...Не всплывем из лона вод
в будущем несметном,
не воскреснем, оттого
что не верим в смерть мы.

Всех часов уже кончается завод.
Не кричит петух — к предательству зовет.
Крик петуший по-над городом потух.
Потянулись в небе стаи черных мух.
На земле уже все заняты места.
Надломились над землею небеса.
Толпы выли, грызлись, плакали навзрыд.
Вырывали толпам кольца из ноздри.
Тряс петух своей кровавой бородой
над оставшейся от времени бедой.
Тихо. Вот и прекратились времена.
Все исчезло — и забвенье, и вина.
Остается лишь вращения моток,
да отчаянного вопля на глоток.

ЛЕТО

Здесь, на этом самом месте,
где зарыт ничейный клад,
год настанет неизвестный —
неизвестней, чем солдат.

Но пока тюльпаны алы,
толпы в сумерках белы,
и везут, везут вокзалы
тонны будущей золы.

„Как в землю закопанный клад“

А. Ахматова

Измученная богиня,
без всяких земных прикрас,
не раз найдут ваше Имя
и потеряют Вас.

Найденная утрата,
как в чаще — небесный свет,
как прежних скитаний след
в скитаниях без возврата.

СЛАВА

„Для славы мертвых нет“*

А. Ахматова

Для славы нет живых: в живых скрывайся, либо
ей неизвестности отдай последний миг.

Она приходит тихо, не гремит
и на толпу взирает молчаливо.

Но сколько нужно сделать ПОСЛЕ смерти:
во всем увериться, надежд осуществить,
пока еще горит вечерний свет,
пока грядущего последний день не смеркнет.

---

* Случайно узнал, что чтение этой строки — результат цензурной правки. У Ахматовой сказано: „Для Бога мертвых нет“.

Вот увидишь — умрешь,
и тебя поймут.
Станет правдою ложь
через пять минут.

Ненадежно житье,
как гнилая гать —
ну, а смерть не гниет,
надо полагать.

Тлен прекрасен и бел —
лишь окаменев.
А коль горько я пел —
по своей вине.

Принимаю удел —
временно не быть.
Я и сам не умел
вовремя любить.

Вот и снесли тебя, вот и снесли,
дом, где я вырос из старой земли,
будто и впрямь доказать захотели,
что меня не было на самом деле
там за годами в густой тополиной дали.

Нет ни сараев твоих дровяных,
ни раздиравшего душу бурьяна,
нету ворон, что зимою багряной
вместе с деревьями оголены.
Поздно жалеть, раз уж прежде жалеть было рано.

В этих стихах остаются холодные сени,
где половицы косят, под извечный скрываясь сундук,
стол под истлевшей газетой,
оконце с погодой весенней,
лестница с плачем насилу ведущая в сени,
наших шагов по которой спускается стук.

Низкие комнаты жмутся к нагретой печке,
есть на заслонке чугуновой забытого века клеймо,
окна зимой на заре оплывают, как сальные свечки,
вечер, и в комнате, словно в грядущем, темно.
Вот и снесли тебя, теплая, детская вечность.

Плачь, человек:
обесцветило время глаза!
Плачь, человек:
надломилась спины крестовина!
Плачь, человек:
ты не в силах об этом сказать —
плачь и рыдай
над молчанием непоправимым.

Пришли друзья, родные, сослуживцы —
живые, жалкие... И женщины, склоняясь
друг к другу, плакали о мимолетной жизни.
Мужчины землю втоптывали в грязь.

Как нищие пред власть имущим,
они стояли у Нее в тени —
уж лучше бы они просили, лучше б
унизилась... но не могли они..

Слезилось зрение при виде этой дали.
Бездонной глубины пугала гладь.
Лишь близкие у праха хлопотали:
любимых и родных не в силах смерть пугать.

2. ПОЛУСЛОВО

ВЕСНА

Осинник тонкорунный
умаялся к утру.
Лишь кустику семиструнный
играет на ветру.

Гуляли Пасху весело
на улице вчерась,
а нынче небо — месиво,
и замерзает грязь.

Трава застыла вешняя,
деревья не в листе,
и скорлупа яичная
валяется везде.

Лист оборвавшийся в каменном городе кружит.
В каменном городе — синие стекла да камни.
Камнем упала огромная первая капля
в полуистлевшие старые пыльные лужи.

Красный трамвай через мост продвигается синий.
Черная очередь вьется у желтой палатки.
Серые листья на землю лиловую падки.
Водки зеленой куплю поскорей в магазине.

Жил да был боярышник
у жителя на воле.
Даже был пятерышник
в своей кирпичной школе.

Боярышник, боярышник,
д'нас не хватит на год:
больше нет, боярышник,
сафьяновых ягод.

Осенью — напомни мне
(всё равно ведь будет осень) —
съездим за город ко мне,
ключ заранее попросим.
Там наступит тишина —
будут дачники в отъезде —
там побудешь ты одна
наконец-то.

Умер соседский заброшенный пес.
Я его прах на участок принес.
Вырыл могилу двора позади,
и на могиле сирень посадил.

Если вам грустно и если не лень,
будет на месте собаки сирень.

СНЕГОПАД

Закат за осиновой сетью померк.
И лед выступает дыханья поверх.
И яркая щель, что ведет в магазин
всё ярче — с исходом небес и осин.

И снег заскрипел высоко в небесах
и падал потом, попадая впросак,
как в чашку лохматую сахар-песок —
исчез на губах, на ресницах просох.

Озимые люди по избам сидят.
Спасибо, соседи когда посетят:
ведь время — не сахар, и сердце — не лёд,
и снежная баба за водкой идет.

Нет, лучше уж октябрь —
отчаявшийся, грязный:

он горевал хотя б
над жизнью безобразной,

пустую глину ел
и воду пил из лужи.
А снег уж слишком бел,
жесток и равнодушен,

как будто из забвения он к людям прилетел.

Царского Села
рисованная арка.
Посиневший влажный снег
у подножья парка.
От вчерашней стужи — ни следа,
и деревья дочерна прогоркли,
и стоит прозрачная вода
по следам оттаявшей прогулки.

Замоскворечье плывет по реке
и по каналу, и по каналу.
Люди белеют тепла вдалеке,
как перед балом.

Замоскворечье в канале плывет
по поворотам, по поворотам.
Скачут огни по поверхности вод,
как по болоту.

Сладкие липы да тополя мгла
в сумерках встречных —
в сумерках встречных идти до угла
Замоскворечью.

Летней ночью всё невнятно:
листьев паюсные пятна,
мышь летучая окошек
растопырила крыла,
двор пустынный белой тенью перекошен.
Всё существованье облегла
полутень небытия пустого —

полусвета полумгла,
что понятна только с полуслова.

Ночью город сам не свой.
И по тусклой мостовой
человек идет единственный куда-то.
За высокими домами тлеет лето.
Тени тянут.
Реки тонут.
Ночь темнит.
Но с востока веет тополью рассвета,
и редеет электричества гранит.

Предрассветный сумрак — порох:
неземных прохожих шорох
странно ясен, странно чист
в смутных сумерках, в которых
накопился птичий свист,
и скопившись в нетерпении,
весь огромный город тенью
над пространством исчезающим повис.

ПРОСВЕТЛЕНИЕ

Каждый город до квартиры
или до двора
уменьшается под вечер,
будто детвора.
Тьмой и камнем отделенный
от своих широт,
начинает просыпаться —
дышит и живет.

.....

И сперва приходит дворник
в золотых очках:
тонконогая брюнетка
в золотых очках —
она злится, если видят,
как она метет:
ей, конечно, очень стыдно,
что она метет.

А потом приходит сторож
и приходит пес:
чуть голубоватый сторож,
сероватый пес —
сторож медленно ступает,
быстро рыщет пес —
по кустам бутылки ищет
этот умный пес.

А потом совсем стемнеет
и приходят в сад
чуть очерченные люди
целоваться в сад:
входят в черные деревья,
в серые кусты —
и сливаются деревья,
люди и кусты.

Возникают восклицанья —
чистый гласный звук!
Только счастьем ведем этот
чистый гласный звук.
И когда они смеются,
просят прикурить —
всяк прохожий с наслаждением
даст им прикурить.

А когда они устанут
и покинут сад —
тут уж пьяницы приходят
в этот самый сад:
водку беленькую делят
в полной темноте,
неразборчиво ругаясь
в этой темноте.

А потом уйдут, исчезнут,
упадут во тьме.
И уже рассвет как-будто
забелел во тьме.
В это время в сад белесый
входит человек —
ежедневный, предрассветный,
странный человек.

Тихой бережной походкой
двигается он.

И невидимую скорбью
мучается он.
Сев на лавочку косую,
достаёт вино,
не стибаясь, выпивает
все свое вино.

А по брезжущей дорожке
уже мчится пес,
и хвостом уже виляет
этот славный пес.
А за ним и смутный сторож
к лавочке спешит,
через силу улыбаясь,
медленно спешит.

Человек чуть-чуть согнувшись,
молча гладит пса:
сторожу отдал бутылку
и погладил пса.
Сторож молча человеку
сунул покурить
и присел к нему на лавку,
чтобы покурить.

Так наутро каждой ночи
настает рассвет,
освещая эту встречу,
пасмурный рассвет:
сторож, пьяница, собака
явятся, а вслед
все кусты, пустые травы
явятся на свет,

а потом — деревья, зданья,
город вокруг двора,
остальное мирозданье,
явное с утра,
и, в конечном счете, дворник —
девочка в очках —
и ученая, наверно:
в золотых очках —

вот метет она сердито
павшие листья
и за мусором газетным
лазит сквозь кусты...

(А домов все больше, больше,
и сквозь дерева
к ним уборщицы-старушки
прибегут сперва,

а потом толпа такая —
зданий не видать,
и начнет огромный город,
как во сне, витать:
позабудет все на свете —
с самого утра —
остаются — зной да дети,
мрак да детвора).

...Вот и день, а вот и транспорт
появился вдруг
и замкнул на всем пространстве
жизни тесный круг.

Мои стихи короче
июньской белой ночи,
но долгим свежим сумраком окружены они.
И вы и о них мечтали
среди стекла и стали
в казенные безжизненные дни.

В ночи колыхалась гроза.
Она подбиралась неслышно,
и было: при первой же вспышке
вскочили деревья, спросонок зажмурив глаза.

Качнулась стоячая тьма. Замигала.
Каменьями с неба посыпались в город дома.
Вскочили деревья. Качнулась испуганно тьма.
И град фонарей застучал в темноте вполнакала.

В ночи колыхалась гроза.
Безмолвие было истошным.
И в воздухе, связанном в узел удушья,
кривились мучений забрезжившие голоса.

У реки приземистой —
водянистый запах.
У земли обрывистой
травы все в слезах.
На речном течении
много лун внезапных —
как бы в изначальную
снова их связать.

3. ИЗ ПЕСНИ ПЕСНЕЙ

1.

Не гляди, что я смугла,
что черна, как летний полдень —
я для братьев стерегла
виноградник их нагорный.

Я найти тебя смогла,
где стада твои, как волны,
не гляди, что я смугла —
я темна, как летний полдень.

2.

Когда б тебя я братом называла,
когда б одни сосцы питали нас, тогда
я б, повстречав, тебя поцеловала
на улице, не ведая стыда,
и привела бы к матери, сюда,
ты б говорил со мною, как бывало,
а я бы яблочек сок, налившийся в садах,
и влажное вино в твой кубок наливала.

3.

Дождь иссяк, перестал.
Зима прошла, миновала.
Расцвела смоковница за оградой.
Виноградный лист заблестал.

Время горлицам петь родным,
время неба синего и песен,
время лозам ползти по склонам,
время солнца и лилий под ним.

Дождь иссяк, перестал,
яблоки гранатовые пахнут,

встань, возлюбленная, прекрасная моя, выйди —
тень прохладна в ущелье под сводом нагретых скал.

4.

Мой возлюбленный мелькает за оградой.
Он стоит в тени полдневной за стеной.
В том окне мелькали утром его взгляды,
где ночами одиноко и темно.

5.

Вернись ко мне, беги, как серны и олени,
покуда дышит день и убегают тени —

возлюбленный, беги!

Через холмы полей, исполненный любовью,
по лилиям сияющего дня,
чтоб левая рука лежала в изголовье,
а правую рукой он обнимал меня —

возлюбленный, беги!

Любимый мой, кого душа моя любила —
стучится голос твой в бестрепетную дверь —
зачем сняла хитон, зачем я ноги мыла,
и как ему открою я теперь? —

возлюбленный, беги!

6.

Пробежишь открыть мне двери неодетой и босой,
потому что ночь покрыла мои волосы росой.

Отворивши, на пороге затрепещешь, как трава,
потому что влажны кудри, точно ночи синева.

7.

Мой возлюбленный — как яблоня:
когда солнце трепетное явлено,
когда зной отягощает день,
яблоки его свежи, как тень.

8.

О, возлюбленный души,
я пьяна, изнемогаю —
укрепи меня вином,
яблоками освежи.

О, возлюбленный, роса
омывает наши зори,
в виноградниках, наверно,
расцвела лоза.

ВОСПОМИНАНИЯ О СУЩЕМ

1969 — 1970

Эту серую сирень
помню я прекрасно.
Было сыро во дворе,
в небесах ненастно.

Пахло свежую травой,
сладкой тонкою листвою
лет за двадцать до того,
как мы встретились с тобою.

Научусь тебе, мгновенье:
ты — последний медный грош —
позади одно забвенье,
и в забвенье ты уйдешь.

Неразменный миг отрады,
и мучений вечный миг,
и еще чему-то надо
научиться мне у них.

Ты прости моим словам.
Я твое дыханье слышу.
Дождь трепещет, данный свыше
потемневшим деревьям.

Сада смутную красу
дождь тишайший не пугает:
я ведь теми же губами
это всё произнесу.

Почернеют звезды,
задохнется слово,
запрокинет голову
сосен крутизна.
Этот дождь тишайший
нами зацелован,
и на наших лицах —
утра белизна.

Вдали вдоль погоды
плывут пароходы
совсем невесомые
издалека,
а мы остаемся,
а мы остаемся,
как этот песок,
насчитавший века.

О, этот миг пропащий,
куда же ты пропал? —
на пляже барабанщик
стучался в барабан —
он был едва заметен —
был маленький совсем,
и вот сейчас поэтому
исчез он насовсем.

Время небывалое
уплывало,
и рябина алая
горевала,
и погода белая
вечером, когда
не уходит милая
никуда.

Потянулись минуты,
потянулись часы.
Облака почему-то
чрезвычайной красоты.

О, помедли хотя бы
ты, земная теплынь,
красноватый сентябрь,
голубая полынь.

Проходи расставанье,
день, сменись на другой!

Да хранит расстояние
свой подземный покой.

Ты не плачь, моя прекрасная,
я молиться научусь,
чтоб печаль твоя безгласная
полегчала хоть чуть-чуть.

Ты не плачь, моя печальная —
это мне не по плечу —
чистым золотом отчаянья
я за это заплачу.

По чужим октяблям
чьи-то птицы кричали,
в чьих-то парках трещали
листопадов слои...
Мы с тобою еще
никогда не встречались,
и теперь наконец-то
это нам предстоит.

И вдруг она покинула меня,
на миг один с листвою смешавшись павшей.
Был ветер, волосы ее едва трепавший,
и был октябрь на исходе дня.

Она мелькнула в обнаженной чаще,
где водоросли дерев прозрачны и стройны,
и ослепленный близостью шемящей,
я не узнал ее со стороны.

Не заходите в березняк,
когда затих его сквозняк
и листьев серая труха,
лежит на дне березняка,
когда чуть теплится денек
в берестяном его дыму:
он тоже слишком одинок
и не до вас теперь ему.

Столько нежности сжалось во мне,
столько горькой тоски по тебе я вобрал в свою душу,
что порой удивительно даже,
как ты можешь еще оставаться вовне,
как ты можешь еще оставаться снаружи —
на чужбине ноябрьской стужи,
на бульваре пустом с ледяною скамьей наравне.

Осени плачевной
наступил черед —
листьев предвечерних
кончен перелет.

Легкое ненастье
зарослей лесных
над опавшим настом
солнечной листвы.

Увядания влага —
выжимки лучей.
В глубине оврага
почернел ручей.

Так на нас с тобою
сквозь стволов зазор
дикую ордою
наступал простор.

И в последних числах
мертвой тишины
слышишь: это смыслом
мы окружены.

А если вправду только грусть
нас с мирозданием роднит,
пусть утолит молчанье уст
холодной осени родник:

октябрь догорит дотла,
природы кончится полет,
и наши бранные тела —
тепла последнего оплот.

●

Твое дыхание все призрачней и тише —
сейчас и я усну тебе вослед.
Ты рядом теплишься, чуть видишься и дышишь
и ты, двоясь, приснишься мне во сне.

Жилья чужого глохнут водостоки,
чужой рассвет за окнами затих.
Мы никогда не будем одиноки —
ни наяву, ни в страшных снах своих.

●

Мы долго искали
Никольскую церковь.
Качались в канале
моторные лодки
и цепи.
Мы так хохотали,
что было прохожим неловко.
Бежали без удержу.
И улыбались бесцельно.

Потом мы курили
на скверике буром и редком.
Расправив платок, ты покрывла открытые пряди.
Потом оказалось, что вовсе размазались веки,
и ты рисовала их,
в зеркальце смутное глядя.

Никольская церковь в ветвях пустовавших висела.
Кормить голубей запрещалось на дворике ровном.
Стесняясь друг друга,
вступили мы в сумрак огромный.
Но служба окончилась.
Церковь почти опустела.

●

Есть тишь царскосельского чуда,
спокойствия царская тишь:
вершины исполнены гуда,
и листья летят ниоткуда,
плывут по поверхности пруда,
где плавают отблески лишь.

Листвы годовалая гряда,
и весь этот мир под листвою —
забвением скрытое чудо:
листья на поверхности пруда,
вершины старинного гуда —
всей нашей души естество.

Приходит оно ниоткуда,
отвека навеки дано,
и отблески листьев повсюду —
и в небе и в проблесках пруда.
Спокойствие свойственно чуду
и свойственно очень давно.

Тяжелый снежный лес
в слепящей белой пене
от солнца спрятал тени
и в глубине исчез.

Там столько лет подряд
стволы стояли прямо.
Следов лосиных ямы
там в зарослях стоят.

Там тише тишина,
черней под снегом хвоя,
и ветка над тобою
качается одна.

Под музыку Вивальди,
Вивальди! Вивальди!
под музыку Вивальди,
под вьюгу за окном,
печалиться давайте,
давайте! давайте!
печалиться давайте
об этом и о том.

Вы слышите, как жалко,
как жалко, как жалко!
вы слышите, как жалко
и безнадежно как!
Заплакали сеньоры,

их жены и служанки,
собаки на лежанках
и дети на руках.

И всем нам стало ясно,
так ясно! так ясно!
что на дворе ненастно,
как на сердце у нас,
что жизнь была напрасна,
что жизнь была прекрасна,
что все мы будем счастливы
когда-нибудь, Бог даст.

И только ты молчала,
молчала... молчала.
И головой качала
любви печальной в такт.
А после говорила:
поставьте всё сначала!
Мы всё начнем сначала,
любимый мой... Итак,

под музыку Вивальди,
Вивальди! Вивальди!
под музыку Вивальди,
под славный клавесин,
под скрипок переливы
и вьюги завыванье
условимся друг друга
любить что было сил.

Быстро блекнут зим покровы:
то декабрь, то январь.
Почернел закат багровый.
Дом зажегся, как фонарь.

Но в глуши небес румяных
наши ночи хороши:
бесконечны, постоянны,
как бессмертие души.

Если все открылось разом,
то чему благодаря? —
над морозом, как над газом,

розоватая заря:
все детали отличаются,
пропадавшие зазря —
станет ясно: это счастье,
утро, проще говоря.

Навсегда увидим мы:
в толщах крыш стоят дымы,
и над нами, и под нами —
осчастливлен снег тенями —
ласковым касаньем тьмы.

Темнота предместий —
чем она горчит? —
мы с тобой не вместе —
всяк в своей ночи.

И редки, как звезды,
среди небытия,
в этом мраке розном
огоньки жилья.

Да знаешь ли, о чем она молчит
и что таит в излучинах улыбки? —
как переливы тела, гибки
сознания потаенного лучи.
И счастлив тот, кто счастлив по ошибке —
кто со счастливых губ молчанье пил в ночи.

Твой город укромный,
обида! обида!
с печалью огромней
печали Давида —
смолчал бы, стерпел бы,
не подал бы вида —
кричал бы и пел бы:
обида! обида!

В ней спокойствие есть молодое —
оболочка смятений и снов,

но внезапно взлетят ладони,
губы выгнутся силой слов —
вся вперед подается, сияясь
проясниться сквозь эту гладь ---
и потом стихает опять:
только глаз остается вырез.

Ты умеешь чувство придержать
и прикрыть чуть подведенным веком,
удается многоводным рекам
неподвижно блещущая гладь --
и порою легкий ветер вспять
тянет их течение со смехом.

Мне хочется не красоты пустынной,
но чуда, перешедшего за край:
искусство, не старайся, не играй,
но лишь услышать ей возможность дай,
когда я крикну ей, еще такой вчерашней:
родная, сжался! Видишь, как я стражду ---
не говори так буднично и страшно,
не привыкай ко мне, не привыкай.

Что больней — расставанье?
или встреч упоенье?
или боль пониманья?
или стихотворенье?
или тайная смута
у сомнений на дне,
когда вдруг на минуту
ты забыла о мне?

А в женской мысли, нежной и незрячей,
я смысла никогда не замечал:
она, как огонек жилья горячий
в ночи без окончаний и начал,
она любого смысла легче —
не различить ее и не отвлечь:
ночами так округлы плечи

и нечленораздельна речь...
И вечный мрак вокруг женской мысли вечен.

Есть мученье душ холодных —
всех мучительней оно:
равнодушию дано
долго мучиться, бесплодно.

Это вечная разлука —
жить, одним собой томясь —
вот на что уходит мука —
душ единственная связь.

(КОМАРОВО)

Я писал о себе —
или нет — о любимой,
нет — о времени тонком,
как небес полутон,
но всегда оставлял
этот день нелюдимый,
ну, хотя бы назавтра,
навсегда, на потом.

Но когда вспоминал,
то шептал я невольно,
каждый нынешний день
отгоняя от глаз,
мы приехали к Вам
со своею любовью,
ни о чем не жалея,
ничего не стыдясь.

Мы приехали в тишь
перелесков предзимних,
где в небесных озерах
плавал листьев кумач,
где сквозят в сосняке,
как в забвеньи бессильном,
и без признаков жизни —
только призраки дач.

Та дорога сквозь лес
не вела, не кружила —

оставалась на месте
возле крепких оград.
И сосновых высот
не скрипели пружины.
Лишь шагов наших шорох
возвращался назад.

По чужим октяблям
чьи-то птицы кричали,
оставляя всю тишь
лишь тогдашнему дню:
мы приехали к Вам
в той светлейшей печали,
что походит на осень,
если не на весну.

Мы приехали к Вам —
не к живой, не к почившей
и не к жившей когда-то
и не к сущей поднесь.
(Если можно сказать,
отчего же молчишь ты:
только небыли нет —
то, что было, то есть).

Мы глядели на тень:
по цветам на могиле
солнце быстро бежало,
очертанья теней
искажались легко,
зябко ежились, жили —
тень стального креста,
тень голубки стальной.

Мы приехали к Вам.
Был невидимый полдень.
Жег кладбищенский сторож
погребений труху —
ленты тленных венков,
хвою, стебли — но полно —
их осенний дымок
так витал наверху.

Мы молчали вдвоем.
Было легким молчанье.
И взглянуть друг на друга
мы боялись вдвоем.

Тень отбрасывать тень
наземь не в состоянии:
свет проходит насквозь
очертанья ее.

Но нельзя горевать.
Не печально, не больно —
только странно и трудно
все додумать до дна:
мы приехали к Вам
со своею любовью,
прихватив по дороге
сигарет и вина.

...А сегодня зима,
и достаточно снега,
чтобы всё, что угодно,
этой явью затмить.
Но таков был тот день —
будто вовсе он не был,
ну, а то, чего не было,
невозможно забыть.

С каждым днем для меня всё ясней твое имя
и лица перемены и рук безутешная гладь.
Нужно очень спешить: ты изменишься непоправимо
через день, через миг — даже рук не успеем разнять.

Станешь новой, а та, что осталась в безжизненном прошлом
(как я помню сейчас этот чуткий наклон головы)
несказанною станет, неясной, совсем невозможной.
Я и сам невозможен. И старые строки новы.

Ничего, ничего, еще будет в чести
эта малость тепла в человеческой горсти —
стает снег во дворе под твоею озябшею тенью —
только ты не забудь, не отчаивайся и прости.

Ничего, ничего...

Кто уничтожит волю злую,
вражды безбожную между —

затем, что руки ей целую,
в глаза счастливые гляжу,
затем, что мучаюсь разлукой
и задыхаюсь счастьем встреч,
за все отчаянье, за звуки,
которым счастья не сберечь.

Случись со мною сказка,
чтоб шелковый клубок
катиться до развязки
передо мною мог.

Но вот уже калитка —
искомый терем, сад...
И остается нитка,
ведущая назад.

А если станет тяжелей,
о счастья не сожалей:
не изменяй ему случайно —
печалуйся одной печалью,
и будет счастье целей.

СОЛНЦЕСТОЯНЬЕ

1970

Только летом, только летом
есть в году такой пробел:
перед зеленью и светом
слабый сумрак оробел.
В эту пору, в эту пору
свет всеобщий, мрак — ничей.
Это тот пробел, в котором
катятся черемух горы
в прорубь черную ночей.

Летом из холодной печки
пахнет стужею и сажей.
На плите неразогретой —
пол-стакана молока,
пачка соли, нож и спички
и еще комок бумажный
из засаленной газеты
от январского денька.

Деревьев новые овины
прикрыли день наполовину.
Вблизи от зарослей малины,
явившись призрачно и вдруг,
стоят огромные люпины
и озираются вокруг.

Вот у нас какие маки:
восклицательные знаки! —
поглядят на них и, глядь —

начинают восклицать
все окрестные соседи и зеваки.

Мы растворяемся в погоде,
прозрачной, словно благодать.
Хоть дни подобны длинной оде —
солнцестоянье на исходе —
и что-то надо предпринять.

Был день от зноя лиловатый.
Шиповник цвел аляповатый.
Кричали малые ребята.
И лаял пёс.
И лаял пёс.
По рытвинам между берез
тащился облачный обоз
и нас с тобою вез да вез
куда-то.

Май на одуванчик дунет —
целый месяц улетит.
Что прозрачнее июня
зорька узкая глядит.
А в июле
нам вернули
года пыльный монолит.

Мы поедem без билета
в убывающее лето.
Пассажиров сквозь газеты,
как сквозь сито, протрясло.
Оттого в пустом вагоне
никого сегодня нету:
на платформе, как в июне,
пусто: пусто и светло.

Был ли каждый Божий миг
мал, как мотылек?
Иль, как небо, был велик
и, как даль, далек?

Уместился в коробке
спичечном моем —
иль, как камушек в реке,
мир исчезнет в нем?

ПЫЛАЮЩЕЕ ОЧЕРТАНЬЕ

1970 — 1971

1. ДЕКАБРЬ БЕЗ ЯНВАРЯ

Гасите верхний свет и со стекла
житейские живые отраженья
исчезнут. И декабрьская мгла
во мраке электрического тленья
за окнами предстанет без движенья,
неошутимая для жалкого тепла.

В декабре не рассветает вовсе.
Пассажиры тусклые на транспорт
стаями бросаются с утра.
В предрассветном отсвете постылом
побледнел забитый снегом диск
угловых часов.

Кто с недосыпу,
кто с похмелья. Холодно. Вдали —
огонек болотный: то троллейбус! —
и с газетным шорохом метель
мчит ему навстречу.

Приготовься.
Соблюдай закон очередей.
Будь достоин сутолоки, давки:
после анонимного удара
локтем бей куда-то наугад.

Глотайте зимний дым!
Дыханием седым
ловите оторопь неразличимой жизни.
Цепляйтесь за крючки очередей,
работайте, старайтесь быть полезней,
катитесь с гор на иностранных лыжах,
выращивайте маленьких детей...

И отразитесь вы, авось, в весенних лужах,
и отпуска дождетесь наконец.

Заполночь. Захвачены такси.
Опустев, скривились переулки,
а проспекты — те еще прямой
стали. Неприметные метели
к ночи вдруг почувяли простор.
Да мигает желтый светофор.
Вот покой: все так его хотели.

Но взгляни сквозь мерзлое стекло:
по открытым улицам окраин,
по набухшим кромкам пустырей
по-кошачьи выгнув спины, плечи,
странные, прозрачные фигуры
движутся как будто наугад,
будто ищут след или пропажу.

Ты, увидев их, подумай так:
„Вот что нам припас крошечный мрак,
вот они — владельцы тишины,
обладатели всеобщего покоя...”

Может быть давно они погибли
или не погибнут никогда...”

Если только может быть такое.

Зажглось окошек решето
на стенах дальних новостроек.
На снежных подступах к Москве
все отсветы зажглись.
Пьяна: в заляпанном пальто
(не больше года как пошила) —
сестру не может отыскать
в насиженных снегах.

СУМЕРКИ

„Папа, ты такой дурак —
это же не наш барак,
и крыльцо совсем не наше,

и не наш внизу овраг”, —
говорит отцу Наташа.

„Не садись же, говорят!
Видишь — окна не горят,
трубы не дымят, папаша,
наших нет нигде ребят”, —
говорит отцу Наташа.

„Ну, — проснись же, ну, проснись!
Видишь, сколько кошек — брысь!
а людей не видно даже,
только вон один, кажись...”

Нет, их четверо, Наташа.

Замело метелью перепутья.
Опустились ледяные прутья
деревянных веток во дворе.
Этой ночи больше нету в декабре.
Но курятся все еще сугробы,
и никто не знает, чем полны
их ночные черные утробы —
кроме мусора всяя страны,
может быть, в них крест лежит нательный
или документ какой поддельный,
или пьяный человек: ветеран войны.

В МЕТРО

Я монетку черную найду
в толчее опилок и народа:
ну, монетка, ты какого года?
кто на медь добыл тебе руду?

ОКРАИНА

Остановлюсь. Застыну здесь навек.
И буду, разве что, протягивать окурок
со звездочкой огня — кривым пьянчугам,
мальчонке с личиком хмельным,
благополучным созидателям, идущим
на поводу у комнатных собак,

художнику в лохмотьях бороды,
в восторженном полупальто, старушке
с белесым крылышком фабричной стрижки древней
с разрезанным морщинами лицом.

Но никому не укажу дорогу,
совета не подам, не подбодрю.
Черт дернул нас идти.
Ступайте сами.

●

Правда ли, что Дельвиг спился
в холодеющем халате
у поддельного камина
среди задернутых гардин?

(Не унять заветной дрожи
в слабых пальцах. Из прихожей
слышен шепот голосов
и кандаальный звон часов).

Кажется, что быть того не может.

●

Декабрьский снег — напоминанье.
И все ж за ним не уследишь
в застенке дня. И сумрак ранний
наполнит улицы до крыш,
сольется с облачностью низкой...
Сойдутся годы близко-близко,
как эти два прохожих странных
у вновь расклеенных афиш.

2. ЭХО

Всё на свете мне помеха,
все предметы ни к чему —
только эха, только эха
бы дыханью моему!
Пустота — залог успеха:
распахнется тесный звук —
тишины далекой вежа —
лишь безжизненное эхо
утоляет жадный слух.

*„Не должен быть слишком несчастным,
А, главное, скрытным...
...поэт”.*

А. Ахматова

Что надобно для красоты? —
всей жизни ей мало, но ты
не должен быть слишком несчастным,
пусть боль твоя ежечасна,
привычна, невыносима,
но такова игра:
нет тяжести свыше силы —
всё — легкий полет пера.

Что горше горя? —
ан горя мало!
Не можешь даже
сказать наверно:
где было больно,
где было скверно
и где удача
подстерегала.

Когда цветут деревья,
и ночь лежит в цветах,
без зависти и ревности
я говорю ей так:
не сравниваю даже
свой стих с твоей красотой,
но со своею давешней
душевной пустотой.

Когда приходит ясность,
неведомая связь,
вдруг странная бесстрастность
и даже неприязнь
овладевают мною,
и долго мне претит
нежданное, иное,
невнятное на вид.

Так встретившись нечаянно
и буднично с тобой,
сперва не замечали мы
свершенное судьбой.

Сольчей, чем соль, печаль твоя
и боль твоя, о Боттичелли,
как раны гвоздные на теле,
в котором нету бытия.

Подкрашенный церковный воск —
он у тебя чуть-чуть подтаял:
Флоренции кровавые порталы
еще расплывчаты от слез.

Может быть, всего мудрее
быть картинной галереей,
где картины друг на друга
с удивлением глядят,
где навеки все забыто,
кроме цвета, кроме вида,

и в безвременьи упругом
спрятан жизни горький яд.

Наш город картонажный
придуманый, ненужный:
прекрасно изогнулись
подъемы цепких улиц,
и будто вправду были —
лотки, локомотивы,
и облака, и облака,
и гроздь арбузов у ларька,
деревья на пригорке и
городовых фигурки, и
девицы в шляпках скромных,
в платяницах укромных,
и молодые господа,
что мельком забрели сюда,
и ты с вечерним веером
смотрела и не верила —
доверчива и вечно молода.

Во время оно,
незнамо когда
жил-был Иона
во чреве кита.

„Будешь пророком”, —
сказал ему Бог.
Этой мороки
страшился пророк.

И Иегова
судил это так:
верное слово
хранит Он в китах.

Не оттого ли
горды иногда
мы и неволей
во чреве кита?

Уважаемая мисс Дикинсон,
Ваш маленький камушек
такой неприметный... пыльный,
беззаботный и в вечность канувший,
затерявшийся на земле обильной —
он больше любого огромного камня,
хоть тот настоящий и его можно потрогать,
и он даже не уместился бы на дороге,
по которой вы гуляете вечером несказанным,
уважаемая мисс Дикинсон,
аккуратно глядевшая себе под но́ги.

Не глупая игра в лото,
где цифры совпадут едва ли —
нет, неожиданность есть то,
что мы всю жизнь невольно ждали.

А потому не сочиняй,
не фантазируй своевольно —
и так живем мы невзначай,
и с нас случайностей довольно.

Пускай за горечь прорицаний,
отравленных сознанием лжи,
звучать мой голос перестанет —
хоть в нем неправду накажи,
и пусть других людская жалость
поглаживает вдоль волос...
Вот если б песня не сбывалась,
а только пение сбылось.

Сгорела ветвь дотла.
Но ты б еще смогла
на миг бывшего прорастанья
пылающее очертанье

---

* Как счастлив какой-нибудь камушек... Э. Дикинсон (англ.)

увидеть в сполохах тепла,
и отстранясь от ключев дыма,
заплакать неисповедимо.

Это легкость паденья,
что совсем не легка:
ожило притяженье
и земли и стиха —
столь весенняя легкость,
что того и гляди
очевидностей пропасть
разорвется в груди.

Выходи на воздух вешний —
в нем развешаны скворешни,
всё в нем видно до листка
и невидима тоска
за прозрачностью кромешной.

В РАННИХ СУМЕРКАХ ПОД УТРО

Две головы в подушке
рассвету не ясны.
Объятая двоедушны:
их разрывают сны.

И по-дневному мелко,
чуть различая срок,
глядит на них побелкой
летучий потолок.

За одиночество, мой друг,
нам надо выпить — годы вхожи
к нам запросто теперь, и ворох шуб
и пьяный шум исчезли из прихожей.
По улицам бегут весельчаки,
к гитарам прислоняются губами,
и девочки чуть теплыми губами
улыбок открывают тайники.
Лучатся фонари. И скоро — полночь.

Итак, за одиночество, мой друг,
единственное, может быть, единство.
За время, удлиняющее ночь.

ГОВОРЯЩИЙ СКВОРЕЦ

1.

Окурки. Книги. Водки
остатки наконец.
А у разбитой фортки —
в дворце своем скворец
висит себе — незрячим,
нечистым языком
бормочет что-то зря. Чем
болтать — поклюй молчком.
...Насыпать крошек в ящик,
воды в лоток налить —
но с птицей говорящей
о чем же говорить?

2.

Скворец говорливый
под вечер умолк,
и стало тоскливо,
и в горле комок.
И клетки болтался
в углу теремок.
Никто не пытался —
никто не помог.

„What inn is this? ”

E. Dickinson*

Что за странный предвечерний
постоялый двор? —
у крыльца бродяга черный
да глухой забор.
Где хозяин? — только эхо —
нету до сих пор.
Не дозваться человека,

---

* *Что за трактир? Э. Дикинсон (англ.)*

девку — экий вздор!
Что за комната-прореха!
не трещит очаг,
лишь сумерничают тихо
тени при свечах.

Щас бы пива для почину...
Эй, хозяин — ты? —
что еще за чертовщина,
Господи прости?

Люблю их всех — красивых и дурных,
ученых книжниц и пьянчужек плотоядных.
Настанет осень. Будет много яблок
и на коленях — нераскрытых книг.
Мне нравится смотреть на них,
когда они забудутся на миг
(им память вообще дается туго):
они всегда бесстыдны, как в раю,
и за надменность гордую свою
всё ненавидят загодя друг друга.

НОКТЮРН

Оттого что сильный дождь,
мокнет конь и мокнет вождь,
композитор и поэт,
генерал без эполет.

И до нитки, и до нитки
мой сюртук промок гранитный,
оттого что до зари
лопаются пузыри.

3. ПЫЛАЮЩЕЕ ОЧЕРТАНЬЕ

АРЛЕКИН, ПЬЕРО И КОЛОМБИНА

1.

Ах, Пьеро — такой простак!
А Арлекин любить мастак
и вот эдак и вот так
и вот эдак!
Коломбину за плечо
он хватает горячо,
и поцеловав еще
в губки напоследок,
говорит: чего коснетъ
Коломбина!
Бузина пошла краснеть
и рябина!
Лик мой ясен,
бел мой торс
и волос красивый ворс
так прекрасен.

А Коломбина думает: Пьеро,
вы так играли на губной гармонике!
Зачем же вы не доблестный герой,
а только умоляете и молитесь?
У вас к тому же — серые глаза,
и над глазами — серые ресницы...
Но Арлекин ее хватает за —
за, мягко говоря, за поясницу:

и пойдут они в трактир —
как не пить вермут
с Арлекином таким
необыкновенным!

(Ах, безрадостный Пьеро,
бери бумагу и перо,
чернила фиолетовые,
промокашку розовую:
улетело лето,
наступила проза
в этом самом лучшем из миров:

Арлекин Коломбину
уволок за куртину,
или прям, на перину,
ах, Пьеро, Пьеро...)

2.

Арлекин, в графине пусто.
Киснет кислая капуста.
И давно доел пирог
этот выродок Пьеро.
В кружках сохнет пепел, пена.
И с похмелья Коломбина
после давешней возни
истерична, черт возьми.

Коломбина спит босая
(к ней пристроился поэт).
Снится ей сажень косая
и какой-нибудь обед.
Снятся руки, снятся ноги,
заклучения врача.
И лежит Пьеро убогий
у роскошного плеча.

3.

Коломбина, видишь сон? —
двух обличий унисон:
горечь глаз, горячка рук
и стыда порочный круг.

„Ты прекрасна, Коломбина:
хризантема, георгина
или лучше — василек...”

Руки вздев и выгнув спину,
гаснет свечки филитек —
остается злобный стон.
Коломбина, видишь сон? —

вот по грудь тыходишь в речку,
вот вода покрыла плечи,
кто-то машет рукавом,
и внезапно — никого:

не приемлет больше вин
потускневший Арлекин,

не толкается в нутро
неродившийся Пьеро.

Возле берега записка
проплывает близко-близко.
По песку бегут следы:
Коломбина, это — ты.

ВЫХОДЦЫ

Перебив зеркала,
в том священнейшем осатаненьи,
когда сажа бела,
начинают они свое жадное пенье,
и всплывают из каверзных вод их слепые тела.

И звучит: „Приходи
на условленный угол с витриной!
Ревновать прекрати —
порываю я с той паутиной!...”

И, ослепнув, пруды
покрываются жадною тиной,
и звучит голосок
сквозь бесценных мгновений песок:

„Из бездонных зеркал
мы не зря, мы не зря ускользнули
в этот летний провал,
где лиловые тени в июле.
Позабудем себя —
что отрадней такого забвенья...”

Но осколки слепят,
вновь слепят их до дна на мгновенье.

●

*„He is stark mad who ever saith
That he hath been in love an hour”*

D. Donne*

Безумен утверждавший,
что он хоть миг любил.
Таким безумцем ставши,
он лишь любимым был:
твоей любовью жил он,
владел твоей тоской...
А ты – ты не твердила
бессмыслицы такой.

●

Безогладна мысли гладь
(только боль владеет далью).
Вера это – ожиданье:
что ж без веры ожидать?
Покидая свой подвал
(сумрак, запах керосина),
слепо погляди на синий
неба летнего провал.

---

*Эпиграф достаточно точно переведен в первых двух строках стихотворения.

ВО СПАСЕЊЕ

1971 – 1972

1. ВО СПАСЕНЬЕ

Пусть останутся в минувшем,
когда дни покинут нас,
те слова, что наши души
прошептали в первый раз.
Если все на свете — тайна,
все чудовищно случайно —
пусть вовеки не подслушать
нашей тайны никому.

А ты, мой ангел во плоти,
еще за то меня прости,
что я тебя — земную —
небесной именую.

Нельзя ж пред женщиною ведь
безжалостно благоговеть,
а ангелов тревожных
жалеть никак не можно.

Я не приду к тебе домой —
душа твоя и так со мной:
таит проникновенье
такое отдаленье.

А если не простишь, пойму,
что ты осталась в том доме
у окружной дороги,
где зимы-недотроги.

Вдали от милых дней
печаль всего родней,

раз жжет уже воспоминанье,
и сердце ошибается в биеньи —
вдали от милых дней
лишь счастье видней:
и, может быть, печаль о нём случайно
является забытою печалью.

Уже давно я продал эту книгу,
где говорится о любви прекрасной,
что равносильна вечности и мигу,
и счастьем чистому, и лжи, и муке крестной.

Теперь продать мне нечего, а надо б.
И вспомнил я старинного поэта
и всё, что им таинственно воспето
слепой любви в укор или в награду.

Я женщину эту люблю, как всегда.
Она же, как прежде, как встарь, молода,
хоть смотрит большее, хоть помнит о том,
что я ей шептал зацелованным ртом.
Я женщину эту люблю, как всегда,
хоть вторник сегодня, а завтра — среда,
хоть спали до света — да снова темно,
хоть, может быть, нет нас на свете давно.

Совість моя тесная,
вовсе на краю
вот какую песенку
я тебе спою:

„Ходики да печка.
Чайника шумок.
Вот бы где навечно
я остаться смог.

Хороши сторожка,
бестолковый пес,
и забор заброшенной
бузиной зарос.

Даже святотатцу
в глубине стыда
хочется остаться
где-то навсегда —

кем угодно — сбоку
от больших дорог —
сторожем, собакой,
колыханьем дров.”

Ну как тебя благодарить мне —
в каком борении и ритме,
ну как тебя благодарить мне
и как любить еще больней?
Среди бессонницы, рыдания
не мне нашла ты оправданье,
лишь счастья нашего наитье
оправдано душой твоей.

2. ПРИ ДАЛЕКОМ КОЛОКОЛЬНОМ ЗВОНЕ

Тоньше, тоньше жизнь с годами,
тоньше посвиста птенца.
Что не ждали, не гадали —
всё свершилось до конца.

И когда необходимо
стану я пред грозный суд,
все посмотрят сквозь и мимо —
не осудят, не спасут.

В чернозем смертей посеяно
и грехом воспалено —
не искусство, а спасение,
нет — виновности вино.

Что ж мы ждем от вопля, лепета,
наши души разгласив:
красота сама бестрепетна,
трепет груб и некрасив.

Потаенную жестокость
в женском сердце не жалея.
Потаенно и жестоко
преклоняйся перед ней.
Ты не знал ее до срока
или знал едва-едва —
безвозвратно, одиноко
сохрани ее слова.

●

Кромешной тьмы глаза
стихов моих касались.
Но ты, слепая зависть,
смогла их наказать
непониманьем, сном,
сладчайшей черной злобой,
всегда глядевшей в оба
и знавшей об одном.

●

Я заблудился. Не найти
ногам пути в затонах моха:
над чащей плещется просвет,
заметно заалев.
Любое дерево в лесу —
оно настолько одиноко,
что никому не отыскать
его среди деревьев.

●

Поклон примите от прохожего,
который не живет нигде:
ни в чаще леса непогожего,
ни в городе и ни в избе,
ни в пустоши необитаемой
и ни в пути с сумой вдвоем,
ни на виду у всех, ни в тайне,
ни в одиночестве своем —

от проходимца — нет, от странника
среди земного иль астрального
хабса (космос мнится нам) —
поклон всем кольям и дворам.

ПРИ ДАЛЕКОМ КОЛОКОЛЬНОМ ЗВОНЕ

Жил на свете человек (а может, не жил).
Утром воду приносил, поленья — к ночи.
Ко Христову Воскресенью нес гостинцы —
что жене своей, что малым своим деткам.
Что ни день — будь в непогоду или в вёдро —

запрягал он свою утлую кобылу,
день гонял ее по взмыленным дорогам,
а под вечер они вместе возвращались
при далеком звоне колокольном —
на кого бы царь ни опаялся,
у кого бы вор ни крал пожитки,
кто б пред Господом ни впал в какую ересь,
кто б ни умер, кто бы ни родился.

ВМЕСТО ПЕРЕВОДА

Когда она проезжала
мимо заката солнца,
мимо детей ученых,
мимо людских могил,
то рожь сильнее рыжела,
и дети кричали отчетливей,
и слышали звук колокольца
те, кто в могилах был.

Да, когда-нибудь, когда не
станет горя и утрат,
всё внезапно явным станет —
тут узнает в аккурат
жалкий раб бумажной дести,
что за месть в себе несет —
что когда-то было детство
и младенчество...
и всё.

3. ЖИВАЯ ОГРАДА

Памяти моего отца

1.

У всякого — своя полынь.
Всему — своя полынь.
Простимся ныне навсегда
и сразу отболим.
У всякого — свой сонный мак.
Всему — свой цвет и сон,
былого хлеба лебеда
и свет, и мрак...
и всё.

2.

Прощай, шиповник, и жасмин и навсегда
прощай, смородины колючая ограда,
крыжовник, яблони в цвету, и навсегда —
рябина и береза у ограды.
Прощайте, ирисы, тюльпаны, водосбор,
пионы, лилии и флоксы, и навеки —
большие маки... и огромный мир,
давящий на смородинные ветки.

3.

Живая ограда
живет до поры.
Под снежные груды
уходят дворы.

Над твердью могильной
летят под уклон
раскосые крылья
окрестных ворон.

То ветер на свечку
слетел с высоты.
И в зимнюю спячку
впадают кусты.

Смородинных веток
тончайший узор
не сдержит вовеки
подобный напор.

В дому запоздалом,
в древесной тиши
не стало, не стало
теперь ни души.

Вкруг жизни, вкруг сада,
его детворы —
живая ограда
живет до поры.

4.

Провал и безопорье, и дыра,
в бессмысленном пространстве злая точка —
преображенье завтра во вчера,
когда цветок узнает точно,
что восходить ему пора,
когда почует срок тугая почка,
когда трава надумает встать,
а птицы — время точно обозначить.

5.

Что нас окутало кругом?
Что нас преследует и душит?
Ребячья простота присуща душам,
а мы не ведали о том.

6.

Мы вновь приедем в этот дом,
построенный его трудом.
Там сруба запах сладкий
и сад его посадки.

И по следам его следов
тропинкой узкой вдоль кустов
рябины черноплодной
пройдем мы в дом холодный.

То будет осенью: денек
сентябрьский будет одинок,
как эта тропка лисья,
смешав следы и листья.

Крылечко скрипнет. Стукнет дверь.
И одиночество теперь
в бревенчатом затворе
уже почти что горе.

Так выйдем в сад повеселей:
следы и листья на земле,
и каждое растение —
его поминовенье.

В саду становится видней,
насколько крепче и вольней,
чем наш удел непрочный,
дыханье этой почвы.

7.

Деревьям ли мерещится война?
земле ль понять людские разногласья?
Судьбе-молчальнице видна
земля, исполненная ясного бесстрастья:
ее парные зелены,
наплывы или удаленья,
в беспечности ее огня —
рачительное тленье...

И углубляясь в грунт на штык,
побег грядущий прививая,

вне человеческой суеты
мы в этом мире пребываем.

8.

Утра дачного туман.
Тени хороши.
Распечатанный тюльпан
на столе лежит.
Вы из запредельных стран
получили днесь
распечатанный тюльпан —
дорогую весть.

9.

Тропинка малая в клубничной толкотне,
впитавшая в себя песок и гальку,
сама вернется поутру ко мне,
сама вернется поутру ко мне,
какою б я не обернулся далью.

10.

В лесу сиротливом
есть высохший пруд.
Лопух и крапива
на взгорье растут.

Лопух и крапива —
жителей сорняк —
в лесу сиротливом,
где хвоя да прах.

Не знает окрестный
заброшенный люд,
чей век безвозмездный
окончился тут

и чье здесь когда-то
дымилось жилье,
куда без возврата
исчезло живьем.

В лесу беспечальном
поляна и пруд
нечайно, случайно
на вас набредут —

былого истома,
томление лет —
те вяза вокруг дома,
которого нет.

МНЕ КАЖЕТСЯ, ДУША

1972 — 1973

●

Для трагика невидима
и для слепца безлична —
трагедия обыденна,
обыденность трагична.
И не с набатом в унисон
людская бьется мука —
нет, внемлешь ты сквозь смертный сон,
как в стекла бьется муха.

●

Бывает всякое: сентябрь бывает, май.
Сентябрь, пайщиков своих пересчитай —
всех садоводов, их детей и их собак —
ясны их тени в облетающих садах.
А впрочем, нет — пускай безоблачно-пестры
во всех садах горят деревья и костры,
и мальчик на большом велосипеде,
как маятник: качается и едет.

●

На этой теплой травянистой льдине
по морю дальнему осенних зорких дней
плыву, и ветер гнется в паутине
(куда нам плыть — не решено доныне,
но есть еще решения на дне),
один — никто меня не сыщет, не покинет —
со всеми я наедине.

●

Был последний летний день, и оттого
так отбрасывались тени от него,
будто птицы ни с того и ни с сего
вдруг шарахались от крика своего.

Ты готовился об этом вспоминать
и в затишья нотную тетрадь
заносил забвеньё — каждый звук
был лишь сердца запоздалый стук.

ОКТЯБРЬСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

О том, что я живу у насыпи,
и коль бессонница пуста,
по насыпи несутся наспех
в ваш сонный город поезда —
экспрессы с пыльными названьями —
о том, как слушаю подчас
их частый стук и завывания,
я напишу... кому из вас?

ПОСТОЯНСТВО

Всего важней для мудреца,
чтобы закат всегда был слева от крыльца.
Есть постоянство, что упало с неба:
куда ты слепо ни свернешь,
всё сердце остается слева
от тех минут, которых не вернешь,
от яблони, от полдня, от напева.

Я НАУЧИЛСЯ ПЛАВАТЬ

Я научился плавать — знаешь где? —
в эгейской одиссеевой воде,
да, по которой плыл к своей беде
царь Агамемнон в наказание —
и ветер нес обрывки кос Кассандры-
кликуши, а на Патмосе пророк

лежал ничком. Пророческая пена —
предтеча будущего пепла
теснила берега ребяческий мирок.

...Два дюжих югослава, раскачав,
меня в прибой швыряли, и волна мне
помочь старалась выбраться на камни,
еще чуть теплые сначала, сгоряча.

Неподалеку от Афин,
в воде не чуя огненного сплава,
узнал я, что уменье плавать
в том, что плывешь один.

Нет, вам меня не надо знать.
Зачем вам эта благодать? —
придется думать, клеветать,
и это неспроста.
Раздвоен будет облик ваш:
в глазах — восторженности раж,
а за душой — никчемность та ж —
и ложь кривит уста.

Капель хрупкая посуда
бьется об пол потому,
что дождь повсюду,
ночь повсюду —
а мне славно одному,
потому что я отшельник,
капель стук мне — по нутру:
я снимаю свой ошейник,
забираясь в конуру.

К чему, и сам я толком не пойму,
но только вот о чем ты мне напомни:
три дня лил дождь, и нынче потому
луна явилась в свет почти что полной,

зеленоватой, но видать,
и ей желтеть и увядать.

Приземлился листьев суховей.
И осталась скоропись ветвей —
расписка в совершеньи буйства,
предписанного травам и листе.

Окрест любого совершенства — пусто.

ПОЛНОЧЬ БЬЕТ

Стучится сердце в гул пустот,
едва ли внятных мне.
И если даже сердце бьет,
я слушаю извне.

Куда летит далекий стук,
гудок товарняка —
не распознать в ночи на слух
наверняка.

ТРАПЕЗА

Не хочешь ли запить вот этот хлеб водой?
Хлеб из поддельной городской пшеницы,
зато есть соли острые крупницы,
зато вода почти что из криницы,
хоть есть насос, что облегчит надой.

Хлеб черств, да голод свеж.
К тому ж по-своему пахуч ломоть несвежий.
Вот кружка. Погоди, сейчас отрежу.
Ты долго шел куда-нибудь. Поешь.

●

Гитары шум грудной.
Гавот и сарабанда.
Лишь музыке одной
понятны мы подавно.

И влажен низкий звук,
и вечер ближе,
чем дождь окрестный... Вдруг —
ты плачешь. Но пойми же.

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1.

Где леса осенние не добры, не злы,
солнечных деньков перебирая четки —
треск сорок, потрескиванье пламени, листья —
остовы дерев гляжу — серебряные, черные

или лиловатые иль с празленью камней.
Языками лиственниц ельник полыхает.
И пылится паутины захудалый клей,
умывальник затянув: листвой он полн до края.

...Ночью зримой в паузах меж причетом собак —
под созвездий чистой, явственной стезею
слышно будто капли, капли падают во мрак:
это рвутся вены листьев клена, холодея.

В них еще осталась кровь тяжелая поднесь,
но иссохнув, плоть листа сдержать ее не в силах,
и звучат разрывы этих маленьких сердец
в тихих звездных паузах перебранки псиной.

2.

Печь топите вечером, когда в окне синё
(в основаньи пламени есть синь такая ж точно),
свет не зажигая, смутно думая свое
в колыханьи отсветов, в их самом средоточье.

И когда согреются глина и кирпич,
жар лица к хладеющим стеклам обращая,
слушайте, как дышит жар обуглившихся роц,
отрешась от радости, не то что — от печали.

3.

Именно поэтому: языком костра,
сим глаголом пламенным ты овладела вольно —
мне хотелось взять тебя в этот мир, сестра,
в этой поздней осени холод полноводный.

Именно поэтому: на ветру утрат
дымом застит пламени жгучие воззренья —
мне хотелось взять тебя в этот мир, сестра,
где огонь и вправду греет — хоть на воскресенье.

ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ В БРИТАНИИ ХОЛОДНОЙ

Дождливый день в Британии холодной.
Предсмертность дней столь явственна порой:
где Марианна? где ее герой? —
в Шотландии льет дождик неуклонно.

Коробится бумага, отсырев,
где Джона Китса явственный напев:
так втянут он в воронку ритма,
что всё на свете разрешает рифма.

Спит кошка под шумок.
Стучит по крыше планка.
И капли падают в подставленную банку.
И лёт плаща отяжелел, намок.

Коробится и горбится страница
с отчетливым напевом Джона Китса,
поэта вереском увенчанных болот,
где зыбкий дождь, как нынче, льет да льет...
Не надо, Китс, на непогоду злиться.

И снег завалит всякий путь —
то плоский снег, то снег отвесный,

чтоб не ушел мороз, отверстый
для всякого, в ком льется ртуть,
чтоб деревушка в поднебесье,
в мороз ушедшая по грудь,
могла бы, как обоз, свернуть
и сгинуть где-нибудь без вести.

МНЕ КАЖЕТСЯ, ДУША

Мне кажется, душа
не видит после смерти.
Иль видит по-иному, не спеша:
меж оболочек эфемерных

не бьется каждый миг,
как бабочка ночная,
а невзначай проходит среди них
и ничего не видит — просто знает

всё сразу. Но едва ль
возможны здесь детали —
так в полной тьме и близкое и даль
сошлись в одно, чтоб мы их не видали.

Как мы не видим — так
глядит сей взор высокий.
А смерть сближает в очевидный мрак
все удаленья — расстоянья, сроки.

Лес исхожен до корней.
Укажи тропу мне,
чтобы я ушел по ней,
а куда — не помню.

Вот и вся меж нами связь —
не бывает ближе:
много раз оборотясь,
я тебя увижу.

СОДЕРЖАНИЕ

ВРЕМЕНИ НЕВИДИМАЯ ТВЕРДЬ

Лето 1953 года	
1. „Бор высокий и тугой”	4
2. „Николай, убравши сено”	4
3. „Длинный вечер”	4
Березы	4
Ели	5
Дубы	5
Холодное лето	5
Август	6
Август	6
Водопад в Черкесской долине	6
„Плывет волна, как опытный пловец”	6
„За волной исчезнет берег моря”	7
Мертвое озеро Байкал	7
Коль суждено вам утонуть	7
Времени невидимая твердь	8
В поисках церкви Спас на Купалище	8

ОПОЛЬЕ

1. „Закругляются, как кони”	8
2. „Как встарь, дороги далеки”	8
3. „Ветер до лучших времен долетал”	9
„В разгаре совести леса”	9
Злая и жадная старуха	9
„Вспыхнет молния одна”	10
„Про каждый лист известно столько слов”	10
Прошлогодние стихи о Москве	10
Профиль	10
„Человеку остается”	11
„А русые метели”	11
„Мужичок пришел в кабак и шапку сдал”	11
„По Москве идут солдаты”	12
Баллада о достаточном основании	13
„Упадок, где твой Рим?”	13
„В смятенье мы, как караси – в сметане”	13
„На саях ли давеча”	14

ПРОБЫ (приложение)

„Мы эклектики из клетки”	16
„Сегодня возили гравий”	16
„Уже крошилась грудь, и зарастали руки”	16
„Как в отсутствие Одиссея”	16
„Разбрелось его лицо”	17
Костры	17
„Трубят трубы гарью”	17
„Не какой-нибудь там”	17

УДЕЛ

„Крепчайшую вяжите сеть”	20
„О себе я не пекусь”	20
Весна	20
„Зной настал. Завыли осы”	20
„Животы лежат на спинах”	21
„Волн качаются весы”	21
„На дне воды лежал песок”	22
„Ноготки – цветки такие”	22
Детство	22
„Сентябрь гас. В который раз”	23
„В Перове стояли дымы”	23
„Зима, и чуть что – ночь”	23
„Был белокаменный мороз”	24
„Покой? Запомни хоть такой”	24
„Всех лесов опальный пал”	24
„На жалком теле фитилек”	24
„О, она живет и шутит”	25
„Страшен город Ленинград”	25
„Перестали птицы петь”	26
„Одиночество всей ночи перед вспышкой сигареты”	26
„Люди не ведают страха”	26
„Спускалось солнце в просеку”	27
„Бездонный дождь на улице бездомной”	27
„Надежда одна не оставит – она не оставит креста”	27
„Язык сначала жил один”	27
Белое платье Эмили Дикинсон	28

ВОСПОМИНАНИЯ О СМЕРТИ

1. ВОСПОМИНАНИЯ О СМЕРТИ

„Вне душ. Вне вех. Прошел тот век”	30
„Наш век жесток и в верованьях крут”	30
„Я бы жил совсем иначе”	30
Снег	31
„В продолжении рода спасенья себе не ищи”	32
„Когда Россия все была Россией”	32
„Когда на вас навалится зима”	32
Лермонтов	
1. Парус	33
2. „И где бы на пути своем он ни был”	33
3. „В пустыне скорее всего сгоряча”	33
„Смерть в том, что Пушкин Блока не прочел”	33
„Мы мстим и мстим, и мстим кому нивесть”	34
„Не играют евреи на псалтирях”	34
Авессалом	34
Как ныне собирается вещий Олег	35
„Нам смерти совестно бояться”	37
Принц Гамлет	37
„О, наша жизнь недалеко”	38
„Не поможет больше друг”	39
„Всех часов уже кончается завод”	39
Лето	40
„Измученная богиня”	40
Слава	40
„Но сколько нужно сделать ПОСЛЕ смерти”	40
„Вот увидишь – умрешь”	41
„Вот и снесли тебя, вот и снесли”	41
„Пришли друзья, родные, сослуживцы”	42

2. ПОЛУСЛОВО

Весна	43
„Лист оборвавшийся в каменном городе кружит”	43
„Жил да был боярышник”	43
„Осенью – напомни мне”	44
„Умер соседский заброшенный пес”	44
Снегопад	44
„Нет, лучше уж октябрь”	44
„Царского Села”	45
„Замоскворечье плывет по реке”	45
„Летней ночью все невнятно”	45
„Ночью город сам не свой”	46
„Предраcсветный сумрак – порох”	46
Просветление	46
„Мои стихи короче”	49
„В ночи колыхалась гроза”	49
„У реки приземистой”	50

3. ИЗ ПЕСНИ ПЕСНЕЙ

1. „Не гляди, что я смугла”	51
2. „Когда б тебя я братом называла”	51
3. „Дождь иссяк, перестал”	51
4. „Мой возлюбленный мелькает за оградой”	52
5. „Вернись ко мне, беги, как серны и олени”	52
6. „Пробежишь открыть мне двери неодоетой и босой”	52
7. „Мой возлюбленный – как яблоня”	52
8. „О, возлюбленный души”	52

ВОСПОМИНАНИЯ О СУЩЕМ

„Эту серую сирень”	54
„Научусь тебе, мгновенье”	54
„Ты прости моим словам”	54
„Почернеют звезды”	54
„Вдали вдоль погоды”	55
„О, этот миг пропащий”	55
„Время небывалое”	55
„Потянулись минуты”	55
„Ты не плачь, моя прекрасная”	56
„По чужим октяблям”	56
„И вдруг она покинула меня”	56
„Не заходите в березняк”	56
„Столько нежности сжалось во мне”	57
„Осени плачевной”	57
„А если вправду только грусть”	57
„Твое дыхание все призрачней и тише”	58
„Мы долго искали”	58
„Есть тишь царскосельского чуда”	58
„Тяжелый снежный лес”	59
„Под музыку Вивальди”	59
„Быстро блекнут зим покровы”	60
„Если всё открылось разом”	60
„Темнота предместий”	61
„Да знаешь ли о чем она молчит”	61
„Твой город укромный”	61
„В ней спокойствие есть молодое”	61
„Ты умеешь чувство придержать”	62
„Мне хочется не красоты пустячной”	62
„Что больней – расставанье?”	62
„А в женской мысли, нежной и незрячей”	62
„Есть мученье душ холодных”	63

„Я писал о себе” (Комарово)	63
„С каждым днем для меня все ясней твое имя”	65
„Ничего, ничего, еще будет в чести”	65
„Кто уничтожит волю злую”	65
„Случись со мною сказка”	66
„А если станет тяжелей”	66

СОЛНЦЕСТОЯНИЕ

„Только летом, только летом”	68
„Летом из холодной печки”	68
„Деревьев новые овины”	68
„Вот у нас какие маки”	68
„Мы растворяемся в погоде”	69
„Был день от зноя лиловатый”	69
„Май на одуванчик дует”	69
„Мы поедем без билета”	69
„Был ли каждый Божий миг”	70

ПЫЛАЮЩЕЕ ОЧЕРТАНИЕ

1. ДЕКАБРЬ БЕЗ ЯНВАРЯ

„Гасите верхний свет и со стекла”	72
„В декабре не рассветает вовсе”	72
„Глотайте зимний дым!”	72
„Заполночь. Захвачены такси”	73
„Зажглошь окошек решето”	73
Сумерки	73
„Замело метелью перепутья”	74
В метро	74
Окраина	74
„Правда ли, что Дельвиг спился”	75
„Декабрьский снег – напоминанье”	75

2. ЭХО

„Все на свете мне помеха”	76
„Что надобно для красоты?”	76
„Что горше горя?”	76
„Когда цветут деревья”	77
„Когда приходит ясность”	77
„Сольчей, чем соль, печаль твоя”	77
„Может быть, всего мудрее”	77
„Наш город картонажный”	78
„Во время оно”	78
„Уважаемая мисс Дикинсон”	79
„Не глупая игра в лото”	79
„Пускай за горечь прорицаний”	79
„Сгорела ветвь дотла”	79
„Это легкость паденья”	80
„Выходи на воздух вешний”	80
В ранних сумерках под утро	80
„За одиночество, мой друг”	80
Говорящий скворец	
1. „Окурки. Книги. Водки”	81
2. „Скворец говорливый”	81
„Что за странный предвечерний”	81
„Люблю их всех – красивых и дурных”	82
Ноктюрн	82

3. ПЫЛАЮЩЕЕ ОЧЕРТАНЬЕ	82
Арлекин, Пьеро и Коломбина	82
1. „Ах, Пьеро – такой простак”	83
2. „Арлекин, в графине пусто”	84
3. „Коломбина, видишь сон?”	84
Выходцы	85
„Безумен утверждавший”	86
„Безоглядна мысли гладь”	86

ВО СПАСЕНЬЕ

1. ВО СПАСЕНЬЕ

„Пусть останутся в минувшем”	88
„А ты, мой ангел во плоти”	88
„Вдали от милых дней”	88
„Уже давно я продал эту книгу”	89
„Я женщину эту люблю, как всегда”	89
„Совесть моя тесная”	89
„Ну как тебя благодарить мне”	90

2. ПРИ ДАЛЕКОМ КОЛОКОЛЬНОМ ЗВОНЕ

„Тоньше, тоньше жизнь с годами”	91
„В чернозем смертей посеяно”	91
„Потаенную жестокость”	91
„Кромешной тьмы глаза”	92
„Я заблудился. Не найти”	92
„Поклон примите от прохожего”	92
При далеком колокольном звоне	92
Вместо перевода	93
„Да когда-нибудь, когда не”	93

3. ЖИВАЯ ОГРАДА

1. „У всякого – своя польнь”	94
2. „Прощай, шиповник и жасмин и навсегда”	94
3. „Живая ограда”	94
4. „Провал и безопрорье и дыра”	95
5. „Что нас окутало кругом?”	95
6. „Мы вновь приедем в этот дом”	96
7. „Деревьям ли мерещится война?”	96
8. „Утра дачного туман”	97
9. „Тропинка малая в клубничной толкотне”	97
10. „В лесу сиротливом”	97

МНЕ КАЖЕТСЯ, ДУША

„Для трагика невидима”	100
„Бывает всякое: сентябрь бывает, май”	100
„На этой теплой травянистой льдине”	100
„Был последний летний день и оттого”	101
Октябрьская железная дорога	101
Постоянство	101
„Я научился плавать”	101
„Нет, вам меня не надо знать”	102
„Капель хрупкая посуда”	102
„К чему, и сам я толком не пойму”	102
„Приземлился листьев сухой”	103
Полночь бьет	103
Трапеза	103

„Гитары шум грудной”	104
Три стихотворения	
1. „Где леса осенние не добры, не злы”	104
2. „Печь топите вечером, когда в окне синё”	104
3. „Именно поэтому: языком костра”	105
Дождливый день в Британии холодной	105
„И снег завалит всякий путь”	105
Мне кажется, душа	106
„Лес исхожен до корней”	106

АЛЕКСАНДР ЛЕОНИДОВИЧ ВЕЛИЧАНСКИЙ

УДЕЛ

*Избранные стихотворения
1966 – 1973*

Художник *В. М. Радецкий*

Редактор *В. З. Айзенштат*

Технический редактор *З. С. Кондрашова*

Корректор *Л. В. Смакова*

Сдано в набор 10.01.89. Подписано к печати 26.01.89. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офс. № 2. Гарнитура Пресс-Роман. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7. Усл. кр.-отт. 7. Уч.-изд. л. 5,0. Тираж 3000 экз. Зак. № 142. Цена 2 руб. 50 коп. А-17000

Издательство „Прометей” МГПИ им. В. И. Ленина
119048, Москва, ул. Усачева, 64

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
101898, Москва, Центр, Хохловский пер., 7.

2 р. 50 к.